

книга для души

Александра Никогосян

Человек И

сборник рассказов

Александра Никогосян

Человеки

Серия «Для души», книга 2

<https://litres.ru/67210579>

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник рассказов "ЧЕЛОВЕКИ" – это книга о Боге и Божием промысле... О жизни, о вере и о сомнениях... Немножко – о чудесах... И, конечно, о людях. Верующие и атеисты, взрослые и дети – все они уживаются под обложкой этой книги. И жизнь у них самая обычная, как у всех. Хотя у каждого наступает момент, когда приходится делать выбор... Что произойдет с мальчишкой, обнаружившем в собственной комнате настоящего, гнусного, злобного чёрта? Как повернется жизнь пожилой израильтянки после неожиданной находки её внучки? Что предпримет молодой талантливый физик, внезапно открывший для себя необъятный мир православия?... Об этом и о многом другом – на страницах этой книги.

И еще - я почему-то уверена, что все герои этих рассказов действительно где-то живут, абсолютно независимо от меня.

Посвящаю всем – с любовью! Автор.

Содержание

Баба Катя	5
Победоносец	17
Творцы реальности	35
Благие намерения	66
Верую	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Александра Никогосян

Человеки

Рассказы

«Жить – не тужить,

Никого не осуждать,

Никому не досаждать,

И всем мое почтение»

Прп. Амвросий Оптинский

Баба Катя

В осеннюю слякотную субботу баба Катя возвращалась с кладбища. Там у нее была похоронена единственная доченька. Прибралась на могилке, посидела отдохнула на лавочке. На обратном пути зашла в огромный супермаркет и долго бесцельно там бродила. Денег не было, а просто поглазеть – почему бы и нет? Потеряла счет времени, и, выйдя на улицу, обнаружила, что осенние сумерки уже сгущаются и небо заволакивает тучами. Поспешила на автобусную остановку.

Спешить было трудно. Бабе Кате было семьдесят четыре года, ноги болели и отекали, сердце не соглашалось со взятым темпом, приходилось останавливаться и отдыхать. В общем-то, торопиться было некуда. Всю свою жизнь она прожила одна, почти пятьдесят лет отработала на хлебозаводе, сначала в цеху, потом вахтершей... Из Катюши, Катерины, и Катерины Васильевны постепенно превратилось в бабу Катю.

«Так вот и жизнь прошла» – вздохнула баба Катя. А что хорошего было? Да ничего. Мысль о зря промелькнувшей жизни была привычной и особых эмоций уже не вызывала...

Людей баба Катя не любила. Просто так. Вот просто не любила, и все. Любила своего кота Платона и черепаху Тосю. Этого ей хватало.

Протискиваясь сквозь набитый пассажирами автобус к выходу на своей остановке, баба Катя старалась не смотреть на уставшие, злобные, пьяные лица. Уперла глаза в пол и активно работала локтями. Вышла. И попала под проливной холодный ливень, струи хлестали по лицу, ветер завывал и гнул вековые деревья. Перспектива простудиться в таком возрасте не радовала, да и денег на лекарства нет. Прячась за хлипкими стенками автобусной остановки и прикрывая воротником лицо, баба Катя вспоминала, где можно переждать непогоду. До дому было далековато...

Рядом, буквально в нескольких шагах, была только церковь. В Бога баба Катя не верила никогда, была некрещеной пионеркой, комсомолкой и коммунисткой. Но как укрытие от непогоды церковь ее вполне устраивала. Мелкими перебежками она добежала до церковной ограды, поискала глазами калитку... Калитка покачивалась и скрипела. Баба Катя протиснулась в нее, доковыляла до церкви и вошла внутрь.

С плаща текли струи, от сапог оставались мерзкие грязные следы. Все-таки некрасиво. Поэтому баба Катя опустилась на лавочку возле самых дверей и притихла, изредка передергиваясь от сырости и озноба. Но постепенно согрелась, ожила и с интересом стала оглядываться по сторонам.

В церкви, за всю свою долгую жизнь, она была впервые. Народу было много, в разгаре вечерняя служба, но баба Катя этого не ведала, просто рассматривала иконы на колоннах (дальше было не видно) и спины людей, дружно кланя-

ющиеся в какие-то определенные моменты. «Как роботы» – неприязненно подумала она. Далеко впереди что-то пели и читали, непонятно и неразборчиво. Но пели красиво, и баба Катя, незаметно для себя, задремала...

Очнулась она, когда скамейка рядом с ней скрипнула и кто-то сел рядом.

– Ну что, раба Божия, проснулась? – раздался ласковый старческий голос.

– Я не раба! – тут же по-пионерски вскинулась баба Катя. Скосила глаза. Рядом сидел старичок-священник с лучистыми и немножко насмешливыми глазами.

– Не раба? А кто?

– Ползункова Екатерина Васильевна, – вежливо представилась баба Катя.

– Что же ты, Катерина Васильевна, в церкви спишь? Ночевать есть где?

Баба Катя даже обиделась. Она что, на бомжа похожа?

– А Вы, вообще, кто? – немножко надменно и невежливо поинтересовалась она у старичка.

– Ах да, простите. Настоятель храма Святой Троицы отец Павел. Можно просто батюшка.

Батюшка... Какой там батюшка, ее ровесник, может, и моложе даже... Тоже мне, батюшка...

Баба Катя поправила плащ, проверила сумку и наличие в ней почти пустого кошелька и собралась уходить.

– Ты, Екатерина Васильевна, приходи завтра утречком, на Литургию. А потом поговорим. – неожиданно сказал отец Павел. Смотрел он на нее теперь внимательно, и смешинки в глазах больше не было.

– Зачем это? – слово "литургия" ей понравилось, но тащиться в воскресенье в такую рань никуда не хотелось... Да и смысла она в этом не видела. Лучше тесто поставит, пирог испечет...

– Просто приходи и все. К восьми. На вот тебе зонтик, там, кажется, еще поливает... Завтра вернешь.

«Настойчивый какой! Что ему от меня надо?» – недобро подумала баба Катя, но зонтик взяла. Подкину потом под двери, сами разберутся, решила она, вежливо сказала "до свидания" и пошла к выходу. Вслед услышала: «иди с Богом, милая», но оборачиваться и комментировать не стала.

Дома баба Катя переоделась в теплый халат и натянула шерстяные носки. Поставила сушиться зонтик и долго бродила по квартире, бездумно перебирая какие-то безделушки. Потом накормила Платона, и собралась укладываться спать. Уснуть никак не удавалось, в ушах звучал ласковый голос отца Павла: "иди с Богом, милая"... Куда? Куда идти?

Отец Павел запер храм и прошел в свою келейку – она была тут же, во дворе. Прочитал вечернее правило. Поправил фитилек у лампадки... Сел, взялся, было, за книжку, но

не читалось. Из головы никак не шла дремавшая в церкви старушка... Ее было жалко, хоть и вела она себя гордо и насмешливо. Тогда отец Павел встал перед иконами и начал молиться. О чем он молился – неизвестно, но на душе у него стало полегче, а баба Катя раздумала ставить тесто...

Просыпаются пожилые люди рано, и баба Катя не исключение. Еще и шести не было, а сна ни в одном глазу. На улице темно и воет ветер. Под одеялом уютно и тепло, Платон свернулся калачиком сбоку и мирно посапывает. Хорошо...

Баба Катя открыла глаза и попыталась вспомнить – что-то вчера было. Необычное... Ах, да! Отец Павел... Впервые за много лет она улыбнулась, по-доброму, без язвительной усмешки и настороженности. Чудной какой старичок, на Литургию ее пригласил... Конечно, никуда она не пойдет, что ей там делать? Но на душе было радостно...

Встала, поставила на газ допотопный чайник и пошла разыскивать черепаху Тосю. Вытащила ее из своего тапочка и сунула под панцирь свежий капустный лист. Тося вытянула шею, взяла лист и стала его жевать. Затем баба Катя насыпала корм Платону, налила в мисочку свежей воды...

Половина седьмого утра...

«А может, сходить?» – вдруг подумала она.

Одинокое воскресенье ничего хорошего не обещало, а тут хоть что-то.

Баба Катя открыла древний шифоньер и заглянула внутрь.

Выбирать было особо не из чего. Она натянула теплую юбку, шерстяную кофту, нашла в недрах шкафа старую шаль... Вроде все. Присела у окна с чашкой чая и печенькой. Идти? Не идти? Задумчиво глядела в темное окно, но видела лишь свое отражение. Отражение было невеселым. Старая, седая, и жизнь пролетела зря...

– Пойду, – решила она. – Хоть раз в жизни побываю на этой, как ее... Литургии.

Пришла баба Катя в церковь немного раньше восьми, но народу уже было много. Что-то писали, бродили по церкви, ставили свечи у икон. Баба Катя уселась на "своей" скамеечке у входа и стала ждать.

Наконец все уgomонились, встали, и в полной тишине раздался голос отца Павла:

"Благословенно Царство Отца и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков!"

Хор пропел «аминь», люди закланялись и закрестились.

Баба Катя сидела сиднем. Дальше все шло своим чередом, который она все равно не понимала. Так же пели, читали, крестились. Изредка по церкви проходил молодой длинноволосый человек и чем-то размахивал. Это "что-то" было похоже на большой пузатый медный... может быть, чайник?... Только без носика и ручки. "Чайник" этот висел на длинных цепочках с бубенчиками, которые весело позвякивали. Из него шел дым, пахло незнакомо, но приятно. На бабу Катю

тоже помахали «чайником», словно ожидая от нее чего-то...
А чего – она не знала.

Потом все выстроились в длиннющую очередь и стали подходить к отцу Павлу. Сегодня он был красивый, в золотых одеждах, и даже вроде выглядел моложе. Всех подходящих он чем-то кормил из большой золотой чаши.

«Ну точно – буржуи» – усмехнулась баба Катя про себя.

Наконец батюшка ушел и унес чашу, затем снова вышел к народу и стал что-то говорить. Все очень внимательно слушали, а баба Катя – нет. Туговата она была на уши, да и непонятно все. Потом целовали крест в руках отца Павла и выходили на улицу.

«Наконец-то» – подумала баба Катя.

Хотя она нисколько не устала и время пролетело незаметно.

– Ну, здравствуй, Катерина Васильевна, – батюшка улыбался. – Пришла! – удовлетворенно сказал он, словно и не сомневался в этом. – Давай поговорим, что ли...

– Здравствуйте. О чем поговорим?

– Да так, о жизни. Только не здесь, народу здесь много. Приглашаю на чай.

Они прошли через церковный двор, и батюшка распахнул перед бабой Катей незапертую дверь в маленький домик. Там он деловито усадил гостью к столу, включил чайник и засуетился, забегал, собирая на стол угощение – варенье, пе-

ченье, бублики-баранки...

Баба Катя смотрела на все это и думала: «Нет, все-таки что-то ему от меня нужно, иначе с чего бы такая гостеприимность?»

Наконец стол был накрыт, отец Павел сел напротив гостьи и стал молча ее рассматривать. Баба Катя смутилась. Помолчали, отхлебнули из чашек.

– Ты варенье-то бери, вот с сухариками вкусно очень, – посоветовал батюшка. Она послушно и осторожно взяла из вазочки один сухарик, но есть не стала – положила рядышком.

Снова помолчали. Потом батюшка вздохнул и сказал:

– Ну что ж, Катерина Васильевна, будем креститься.

Баба Катя отставила чашку и поднялась.

– Да стой, стой, куда ты! Чего испугалась? Сядь! Надо ведь креститься! Старая уже, помирать скоро, а куда пойдешь-то?

Баба Катя тяжело опустилась обратно на табуретку. Да, помирать скоро. Но вот куда-то идти она вовсе не собиралась. Помрет, да и ладно. Кому от этого печаль?

– Тебе, отец Павел, что от меня нужно? – прямо спросила она.

– Мне? Мне ничего не нужно. Душу твою жалко. Ты ведь с виду каменная, а душа твоя плачет... Больно ей и страшно одной...

Баба Катя напряглась. Да, страшно. Но откуда он узнал, что она одна? Она ничего ему о себе не говорила. Напряжен-

но, до боли в больных суставах, сжала кулаки. Опустила голову и упорно молчала.

– Веруешь ли, что Бог есть?

– Нет, – честно ответила баба Катя.

– А душа?

– Душа, наверное, есть. Болит...

– А откуда же душа, коли Бога нет? Кто тебе ее дал?

– Отстал бы ты от меня, батюшка, не знаю я ничего, – тоскливо сказала баба Катя. И так тошно, хотела добавить, но промолчала. Сидела, сгорбившись, и пыталась вспомнить, когда же начала болеть эта ее душа...

Когда маманя за любую шалость, а то и просто так, лупила ремнем, или туго скрученным мокрым полотенцем? Или когда ее, девчонку, оклеветали на заводе за украденный якобы кошелек, который она и в глаза не видела... Чуть из комсомола не выгнали, плакат на доску позора вывесили... Или когда Митька наигрался и бросил? Или когда... Тут баба Катя не удержалась и всхлипнула... Или когда ее доченька умерла, едва родившись? Она не знала. Просто с тех пор жила по привычке, как заведенная, и ни о чем не думала...

Отец Павел ждал. Смотрел внимательно, молчал. Потом стал рассказывать ей о Боге, о Сыне Божиим – Спасителе людей. О злых и коварных врагах рода человеческого... Об Ангелах Хранителях... О покаянии и спасении души. О потерянном Рае...

Баба Катя, низко склонившись над столом, плакала. Ни-

кто и никогда ей этого не говорил. Никто и никогда о ней не заботился. С ней вообще мало кто разговаривал... И доченька ее умерла, где она сейчас?... Она плакала, а отец Павел говорил, говорил...

Наконец замолчал. Посидел, подумал. Потом решительно встал и громко хлопнул ладонью по столу.

– В общем, так, Катерина свет моя Васильевна. Идем, сейчас поисповедую тебя, да и покрестимся.

Баба Катя испуганно вскинула на него глаза – «Как, прямо сейчас?»

– Сейчас, – твердо ответил батюшка. – Поторопиться бы надо, – почему-то добавил он.

Он подвел ее к высокой тумбочке и сказал: «Ну что ж. Давай, кайся». Баба Катя молчала. Каяться она не умела. Жила и работала честно, не воровала, не убивала...

– Злая я, – наконец выдавила она из себя, – Людей не люблю...

– Так, так, – чему-то обрадовался батюшка. – А кого любишь?

– Кота своего люблю. Может, еще соседку свою, Дашку. Она меня шанежками угощает, когда печет... Несчастливая она, Дашка. Муж пьет, бьет, детишек трое, живут в однушке... Жалко мне ее... А больше никого и не люблю. И думаю обо всех плохо. Даже вот о тебе, отец, мысли нехорошие были, – бабу Катю понесло...

– На Митьку своего обижалась, когда бросил... на Бога, что доченьку отнял...

«На Бога?» – сама испугалась баба Катя. Она ж в Него не верит! Или Ему не верит?

– Запуталась я, батюшка, – снова заплакала баба Катя. – И кошелек я тот не брала! Не брала! В глаза не видела!

– Маша! – крикнул отец Павел в сторону прилавка с иконами и свечами, – Дай нам крестильную рубашку и крестик!

Целый месяц ходила раба Божия Екатерина в храм Святой Троицы. Практически на все службы. Она не сидела теперь на лавочке возле входа, а стояла вместе со всеми.

Научилась правильно креститься. Узнала, что "чайник" без носика – это кадило.

Исповедовалась и причащалась каждое воскресенье, внимательно слушала проповеди. Люди перестали ее раздражать. Квартиру свою она отписала соседке Даше. Иногда заходила в келью к отцу Павлу и долго пила с ним чай, разговаривая о том-о сем.

Один раз и батюшка зашел к ней в гости. Задумчиво погладил Платона, постучал пальцем по панцирю Тоси, выпил чашку пустого чаю – печенек уже не было, пенсии тоже...

Хоронили бабу Катю тридцать первого декабря. В день смерти она исповедалась и причастилась.

Пришла домой, присела у окошка и умерла.

Народу на похоронах почти не было. Свои, церковные, да соседка Даша, заплаканная, в черном платке. Отец Павел горя никак не проявлял. Да и какое горе? Хор пел "Со святыми упокой", и все видели, что в гробу лежит баба Катя со светлым и добрым лицом.

А отец Павел смотрел, как поднимается раба Божия Екатерина по сияющей лестнице наверх, где ждет ее доченька и Вечная Радость...

А Платона и Тосю батюшка взял к себе.

Победоносец

Шестнадцатилетнему Юрику Назарову, шалопаю и разгильдяю, мальчишке "без царя в голове", явился черт.

Вечером все было как обычно. Он лег в кровать, позевывая, просмотрел заданный на завтра параграф по истории, бросил учебник на пол и сладко заснул. Проснулся от холода. Сонно пошарил вокруг себя, ища одеяло. Потом свесился с кровати и провел рукой по прикроватному коврику. Одеяла не было. Удивленный Юрик включил ночник. Снова посмотрел на коврик, затем поднял глаза...

И его охватил потусторонний ледяной ужас. В тусклом свете ночника он разглядел в кресле возле окна какую-то смутную фигуру. Вскочил, включил яркий "верхний" свет. В кресле, закинув ногу на ногу, сидел тощий, черный, с рогами на голове... Он гнусно ухмылялся, вертя в одной из лап кончик хвоста. Глаза горели дикой ненавистью и злобой.

– Сплю, – в ужасе подумал Юрик. – Нет, не сплю!

Волосы на голове встали дыбом. Юрик захотел убежать, но руки и ноги стали как ватные, язык одеревенел... Он не мог отвести глаз от зловещей фигуры, хотя очень старался. С трудом поднял правую руку и потрогал нательный крестик. Черт хихикнул. От этого хихиканья Юрика передернуло. Тогда он попытался перекреститься, но почему-то не сумел... Рогатый заржал во всю глотку, даже копытом притопнул...

И... сгинул... Пропавшее одеяло смятой горой лежало на кресле...

Юрик сдернул с кровати простыню, завернулся в нее, сел, привалившись спиной к подушке и подтянул коленки к груди. Так, съежившись и клацая зубами, он просидел почти до утра, таращась на пустое кресло с примятым одеялом и боясь закрыть глаза. Потом все-таки провалился в какое-то тягучее, дурное, бредовое забытие...

Утром мама зашла в комнату сына и обнаружила его практически без сознания, в странной позе, белого, как мел, только щеки горели огнем... Мама очень испугалась, потрогала лоб... Юрик пылал, как доменная печь. Почувствовав мамину руку, он разлепил глаза и с трудом проговорил:

– Мама... дай мне другое одеяло. Под тем мне очень холодно...

Весь день Юрик провел в постели, есть не хотел, только иногда просил попить. Закрыв глаза, он о чем-то напряженно думал. Во-первых, нужно выкинуть это... это дьявольское одеяло. Уволочь его куда-нибудь подальше... А во-вторых... Во-вторых... Об этом думалось с трудом и неохотно.

Сегодня ночью к нему приходил демон. За что? Почему к нему? Это так ужасно, страшно и омерзительно... Но даже не это главное. Главное – в другом. Если есть эти рогатые... твари, то тогда... тогда точно есть Бог. Дальше мысли у Юрки заканчивались, а потом начинали бежать по кругу... А

еще было непонятно, что теперь делать.

Рассказывать про черта Юрка никому не собирался, особенно родителям. Пусть думают, что он просто приболел. Пойти посоветоваться со священником даже не приходило ему в голову. Да и все равно никто не поверит.

«Значит, сам. Я буду бороться с ними сам» – угрюмо решил он. Чтобы больше ни одна гадина никого не посмела пугать. Душа у Юрки была добрая.

Юрка понимал, что он один, а их, скорее всего, целые полчища. И значит, шансов у него один на миллион...

И, тем не менее, никогда не читая, и даже ни разу не слышав слов апостола, сам того не ведая, Юрик прикрылся щитом веры, взял в руку невидимый меч правды и вышел на тропу войны...

Сам еще толком не понимая, как все это будет происходить.

А через несколько дней Юрику приснился Ангел. Он позвал его за собой, они долго где-то летали, Ангел рассказывал что-то необычайно интересное, показывал удивительные, неземной красоты места... Проснувшись, Юрка почти ничего не помнил, но ощущение от сна было необыкновенным, добрым и светлым. Почти позабыв про полчища чертей, Юрик долго ходил с блаженной улыбкой и пытался

вспомнить подробности сна. Ангел свою задачу выполнил на отлично – Юрка немного успокоился.

Родители у Юрика были умеренно верующие, как говорится – "захожане". По большим праздникам вместе с сыном ходили в церковь. На Пасху красили яйца и покупали куличи, по "вековой семейной традиции"...

На Троицу они всей семьей пошли в празднично украшенный молодыми березками храм, где Юрка попросил родителей купить ему икону его Небесного Покровителя – Святого Великомученика Георгия Победоносца. Родители очень удивились, но купили.

Он долго рассматривал икону. Великомученик боролся с драконом, и теперь Юрка прекрасно понимал, что это значит.

В доме была большая библиотека, в которой было несколько книг православного содержания. Юрик их быстро нашел. Он лихорадочно перелистывал страницы, прочитывал строчку-другую и торопливо листал дальше.

Наконец глаза выхватили нужное слово... Вот оно! Вот то, что ему нужно! Юродивые... Кажется, нечистые их боятся. Буду юродивым, решил Юрик, от возбуждения забыв добавить – Христа ради... Вроде бы это просто. Ходи себе, кричи что попало, да обличай всех направо-налево...

От этих мыслей Ангелу-Хранителю Юрика стало плохо...

Что значит "юродивый", Юрка понимал все-таки довольно смутно.

Честно сказать, вообще не понимал. Может, просто урод? ... Уродом быть не хотелось, но он решил попробовать. В ближайшее воскресенье он встал пораньше, порылся в шкафу и выбрал самый нелепый наряд. Старые коричневые отцовские брюки, которые почему-то до сих пор не выбросили, ядовито-зеленую футболку с черепом и мамину ветровку малинового цвета. Оделся. Внимательно осмотрел себя в зеркале и остался очень доволен. Умываться и чистить зубы не стал. Посильнее взъерошил волосы, натянул кроссовки (шнурки оставил незавязанными), соорудил страшную рожу и вышел из квартиры.

Родители безмятежно спали. Ангел-Хранитель, прикрывая в ужасе глаза, последовал за Юриком.

Церковь Всех Святых находилась неподалеку, утро было раннее, поэтому много народу Юрик испугать не успел. Только какая-то девчонка с мелкой шавкой на поводке шаркнулась от него в сторону.

«Не понимает ничего» – решил Юрка.

Вдоль церковной ограды уже сидели нищие. Они все дружно вытаращили на него глаза. «Пусть смотрят» – подумал Юрик. Когда они еще такое увидят, убогие... Тут, безусловно, он был прав.

Вошел в церковь. Народу собралось уже достаточно много. Сначала на него не обращали внимания, но потом он стал замечать осторожные косые взгляды...

«Пора»! – решил Юрка, и набрал в грудь побольше воздуха. Ангел прикрыл крыльями глаза и стал горячо молиться. Его братья сочувственно смотрели на него, но помочь ничем не могли.

– А грехов-то, грехов! – громко, на всю церковь, возвестил Юрка. Настала гулкая тишина. Все взгляды устремились на него. Из алтаря выглянул диакон. Рядом с Юркой на свою беду оказалась старушка в цветном платочке.

– Вот ты, бабуля, зачем соседку ругаешь? – грозно спросил Юрик.

Похоже, попал в точку, потому что бабушка опустила глаза и постаралась отодвинуться подальше.

– А ты, блудница, зачем здесь? – девушка в скромной белой косынке изумленно посмотрела на него... Какая же она блудница, о чем он говорит? Глаза ее наполнились слезами.

– А ты – разбойник! – с удовольствием разоблачил Юрка отставного полковника...

– Я те щас покажу разбойника! – полковник двинулся было к Юрке, но опомнился и остановился.

– Господи, помилуй, – пробормотала старушка в цветном платочке и перекрестилась. – Юродивый какой-то...

Душа у Юрика возликовала! Получилось!

– Да какой юродивый, – презрительно сказал полковник.

– Придурок! Шнурки завяжи! – рывкнул он на Юрку.

Девушка в белой косыночке, всхлипывая от обиды, промолчала.

На "придурка" Юрик обиделся и пошел в сторону полковника. Силы были неравными, он это понимал, но отступить не собирался. Назревал скандал. Драка в церкви – дело нехорошее. Батюшка, давно следивший за происходящим, что-то шепнул дородному мужчине, мужчина молча протиснулся к Юрику, взял за шиворот (ветровка затрещала), выставил его вон и остался возле дверей – сторожить.

Нищие вдоль ограды громко гоготали. Юрик гордо прошел мимо них, но, скрывшись за поворотом, сдернул с себя ветровку и побежал. Никого он так не победит, понял он. Даже нищие вон ржут, как кони...

Родители уже проснулись, из кухни доносился неторопливый утренний разговор и позвякивание чашек.

– Сынок! – услышав звук хлопнувшей двери, крикнула мама. – Ты где в такую рань-то?

– Бегал, – буркнул Юрик и проскользнул в свою комнату. Молниеносно переоделся в спортивный костюм, пригладил волосы и поплелся в кухню. Очень хотелось есть.

Несколько дней Юрик шатался по квартире, обдумывая следующий шаг. Нет, в церковь он больше не пойдет. Чертей там, скорее всего, нет, а остальные все равно ничего не по-

нимают...

Потом вдруг острой иглой в мозг вонзилась мысль – надо молиться! За весь мир! Стать настоящим молитвенником! Вот тогда этой нечисти мало не покажется! С той страшной ночи, благодаря сну, навеянному Ангелом, Юркин ужас успел немного подзабыться. Теперь остался только настоящий охотничий азарт.

Паренек мигом оделся и выскочил на улицу. Побежал к трамвайной остановке. В нескольких остановках от дома был большой магазин "Книжный Мир". Там наверняка есть то, что ему нужно.

Долго-долго бродил он среди книжных полок, внимательно приглядываясь к книгам. Магазин был полупустой, несколько продавщиц скучали в зале. За прилавком сидела еще одна, лениво перелистывала какой-то журнал и откровенно зевала. Наконец одна из девушек, с бейджиком "Лариса", подошла к Юрке и поздоровалась.

– Вам помочь, молодой человек? Ищете что-то конкретное?

– Я... Нет... То есть да... Мне нужно книжку, где молитвы, – почему-то очень смутился Юрик.

– Молитвы? Нет, у нас таких нет. Молитвословы в церквях продаются. Вам в церковь надо сходить.

Юрик издал тихий стон... Повернулся и вышел из магазина, не попрощавшись. «Нет, ну это просто невыносимо, далась им эта церковь» – раздраженно думал Юрик. Кому "им"

– этого бы Юрка не объяснил, но поворчать хотелось. В храм Всех Святых он больше ни ногой! Ни за что!

– Иди прямо, – шепнул Ангел, – Там есть собор.

Юрка остановился и огляделся по сторонам. Район был свой, знакомый с детства. «Ага!» – обрадовался он. Там, чуть дальше, если идти прямо и никуда не сворачивать, тоже есть церковь.

Две недели Юрик изводил родителей чтением молитв.

В соборе он приобрел себе красивый молитвослов, псалтирь и акафистник. В общем все, что посоветовали. Только Евангелие брать не стал...

Читал Юрка все подряд, по возможности быстро, громко, слегка подвывая, и стараясь не окрашивать слова молитв никакими интонациями. Так ему казалось правильно... В смысл читаемого он вообще не вникал, многие слова не понимал, но разве это так уж важно? Главное – он молится!

... А вокруг Юрки хороводились бесы. Они строили мерзкие рожи, хохотали, повизгивали и танцевали – попарно и поодиночке, громко и нагло цокая копытами... Слава Богу, Юрка их не видел...

Ангел стоял в углу комнаты и молчал.

"В осуждение, – горько думал он. – Такая "молитва" только в осуждение"... Помочь своему подопечному он ничем не мог. Вот если бы Юрик хоть один разочек призвал его не помощь – хоть один! – вот тогда этим рогатым небо с овчинку

бы показалось! Но самовольно Ангел ничего предпринять не мог... Хотя разочек бы позвал...

Родители сначала были рады – надо же, молится мальчишка! Но очень скоро от Юркиных завываний стало тошно. Жизнь в доме стала напряженной, отношения между родными тоже, обстановка накалялась. По всем углам квартиры расселись глумливые бесы, они умело и нагло подстрекали людей, злили и натравливали друг на друга. Начались скандалы и ссоры. Родители ругались и между собой, и на Юрку, но все было бесполезно. Плохо было всем, и только Юрик, в окружении бесов, геройствовал и продолжал свои "молитвы за весь мир".

Закончилось все неожиданно.

Однажды утром Юрик проснулся, немного понежился в кровати, потом вспомнил о "подвиге" и вскочил. Книжек нигде не было. Юрик страшно удивился. Пошел в кухню. Там его встретил колючий взгляд отца и усталый – матери.

– Мам... Пап... Доброе утро. Вы не видели, где мой молитвослов? Мне молиться пора, а найти нигде не...

– Хватит! – его добрейший и любящий отец со страшной силой двинул по столу кулаком. Мама нервно вздрогнула. – Хватит, намолился! Достал! Иди уроки делай!

– Так каникулы, пап...

– Иди, я сказал! – свирепый отцовский взгляд напугал Юрика до жути, и он быстренько ретировался к себе в комнату. Бесы, выстроившись в цепочку, приплясывая и пома-

хивая хвостами в такт движению, двинулись следом.

Молитвенником стать не получилось...

«Мученик?» – Юрик взглянул на икону святого великомученика Георгия... Нет, к этому он пока не готов. Да и кто его мучить-то станет?

Тогда, может быть, целитель? Тут возникали реальные проблемы – исцелять Юрик не умел, да и чертей этим вряд ли напугаешь.

Про бесноватых, исцеленных Спасителем, Юрик не знал. «Миротворец!» – осенило его. Однажды в церкви, когда он еще захаживал туда с родителями, Юрик слышал что-то такое...

Дождавшись вечера, Юрка, подстрекаемый мелким бесом, оделся и вышел во двор, искать приключений на свою голову... Кого тут усмирить? Около часа он шастал по всему району, но все было тихо. Миротворцев не вызывали...

Наконец, когда он уже устал и собрался домой, ему повезло. В подворотне он услышал крики и звуки ударов. Ринулся туда. Там дрались трое. Юрка бесстрашно врезался в сплетенный клубок тел и попытался оттащить в сторону хоть кого-нибудь...

Результат был плачевным... Все трое неожиданно сплотились и ополчились против Юрки. Ему надавали по шее, сломали ребро, и ткнули ножиком куда-то в бок... Юрик лежал на земле, тихонько поскуливал, а драчуны разбегались

в разные стороны.

... Домой он добрался часа через полтора, зажимая рукой раненый бок и стараясь не делать глубоких вдохов. С трудом дотянулся до звонка и позвонил.

— О, Господи, — прошептала мама, глядя на грязного, окровавленного, побитого сына. — Что с тобой? Где ты был?

Отец молча взял ключи от машины и повез сына в ближайший травмпункт.

— Ничего, ничего страшного, потерпи, — ласково басыла большая толстая врачиха, промывая царапину на боку. — Даже шить не станем. Сейчас вот промою, забинтуем, до свадьбы заживет. И ребрышко заживет, недельку полежишь дома, будешь как новенький!

Ангел стоял возле кушетки и горячо молился, благодаря Господа за спасение подопечного. Бесы не появлялись.

Неделю притихший Юрик лежал в кровати, напряженно о чем-то размышляя. Родители тревожно переглядывались между собой, тихо шептались, но сына ни о чем не спрашивали.

Вскоре Юрик стал вставать и потихоньку ковылять по квартире. Бок уже не болел, ребро почти не чувствовалось, дышать стало легче. Он бродил из комнаты в комнату, напряжение и задумчивость не сходили с его лица... Остался один вариант — монастырь...

— Уйду в монастырь, — угрюмо решил он, — стану от-

шельником... Выкопаю пещеру... Отшельников черти боятся, как огня.

При этой мысли глаза его прояснились, на губах появилась улыбка, и мама облегченно вздохнула.

Настойчивость Юрки изумляла, но сам он об этом не задумывался...

В монастырь Юрик пробивался с боем. Пускать его не хотели. Но он был настырным, и требовал встречи не с кем-нибудь, а с самым главным!

— Это к игумену ты хочешь, что ли? — поражался привратник.

— Да! К игумену! (слово "игумен" Юрка уже где-то слышал, но где и когда — не помнил).

Наконец привратник устал от наглого мальчишки и, поманив пальцем кого-то из проходивших мимо молодых людей, что-то ему прошептал. Тот послушно кивнул головой и куда-то ушел. Через какое-то время вернулся и коротко сказал: «пойдем».

Он довел Юрку до какого-то дома, они поднялись на второй этаж, и молодой человек постучал в крепкие дубовые двери.

— Молитвами святых отец наших... — начал он, но из-за двери послышалось: «Проходите!»

Молодой человек подтолкнул Юрку к двери, а сам резко развернулся и, взмахнув длинным черным подолом, быстро

ушел.

Юрик несмело шагнул в комнату. Весь его пыл куда-то улетучился. За большим столом сидел пожилой человек в высоком головном уборе, весь в черном, с большим крестом на груди.

– Здравствуйте, – робко сказал Юрик.

Подходить под благословение он не умел. Ангел стоял рядом и молчал.

– Здравствуйте, молодой человек! – сказал игумен. – Присаживайтесь.

Юрка осторожно присел на самый краешек большого мягкого стула. Игумен внимательно смотрел на него.

– Как тебя зовут? – наконец спросил он.

– Юра. То есть Георгий, – быстро поправился Юрка.

– Прекрасно. А я – отец Арсений. О чем же ты, Георгий, хочешь поговорить?

– Возьмите меня к себе, в монастырь. – прозвучало это жалко, и Юрика бросило в жар. Он быстро заговорил:

– Мне обязательно надо стать отшельником... Святым. В пещере!... Чтоб молиться за весь мир...

– Святым, говоришь? За весь мир? Это хорошо... – отец Арсений о чем-то задумался... – Святые нам ох как нужны... Сколько же тебе лет? – неожиданно спросил он.

– Шестнадцать, – прошептал Юрик.

– А скажи, Георгий, таблицу Менделеева кто изобрел?

Юрик от неожиданности закашлялся. Таблицу Менделе-

ева?! При чем тут?...

– Ньютон? – неуверенно промямлил он.

Отец Арсений побарабанил пальцами по столу...

– Да, – тихо, словно самому себе, сказал он. – Да. Как-то так... Значит, ты хочешь молиться за весь мир... А зачем?

– Отец Арсений, послушайте! – Юрка вдруг выпрямился, крепко, до боли, вцепился пальцами в сиденье стула и громко, сбивчиво заговорил. – Послушайте! При чем тут Менделеев? Мне правда очень надо! Ко мне черт приходил... – уже тише закончил он.

– Во сне, что ли? – не понял игумен.

– Нет. На самом деле приходил. И теперь мне надо молиться за всех, чтоб он больше не появлялся.

И, неожиданно даже для самого себя, то бледнея, то покрываясь жаркими малиновыми пятнами, рассказал игумену все – начиная с той самой первой страшной ночи и заканчивая своими "подвигами".

– А теперь мне надо в пещеру! Молиться! Только сам я не умею, – чуть не плача, наконец-то признался Юрик...

Отец Арсений нахмурил густые брови и долго, очень долго смотрел на Юрку. На дурачка вроде не похож... Может, подшутили над парнишкой? А он поверил... Хотя больно уж глаза у него сейчас серьезные... Вон, чуть не плачет... И подвиги эти... Не на ровном же месте парнишку так зацепило... Может, и в самом деле было что-то эдакое...

Игумен встал, прошелся по комнате, постоял у окна... Он

был настоящий монах, вера у него была непоколебимая. Если подумать – чего только в жизни не бывает...

– Ты вот что, Георгий, – наконец заговорил отец Арсений. – Слушай меня очень внимательно. Повторять не буду. Заканчиваешь школу. Идешь в армию. Служишь честно, чтоб душу свою за друзей! Понял? А потом приходишь ко мне. Я буду тебя ждать. И молиться.

Кое-как закончив школу, Юрка начал "взрослую" жизнь. Поступать никуда не стал. Работал много. И доставщиком пиццы, и грузчиком в мясном отделе супермаркета, и даже пингином в кафе "Морозко".

Он очень изменился, присмирел, открыл, наконец, Евангелие...

И снова стал ходить в церковь. В свою, родную – Всех Святых. Там, конечно, никто не узнавал в нем того сумасшедшего "юродивого" мальчишку. Может, только батюшка, но он никогда об этом не говорил...

А прихожане Юрку любили. Провожая его в армию, называли воином Христовым и подарили поясок с девяностым псалмом и маленькую иконку Ангела-Хранителя.

И была армия. "Горячая точка". Горящие БТРы, мины, растяжки, удушливый едкий дым и одуряющий запах крови...

Гробы с телами друзей, мат командиров, хрипящая рация,

сон урывками и постоянный голод. Перед каждым боем Юрка читал короткую молитву и крестился.

Но ничто не вечно, все когда-нибудь заканчивается. Закончилось и это. Юрка выжил. И вернулся в родной город. Вернулся повзрослевшим, похудевшим и очень серьезным.

В самый первый вечер сидели за столом. Отец любовался сыном, мама хлопотала и бегала вокруг. То прижмется к широкому крепкому плечу, то поцелует в стриженный затылок, то вдруг начнет подкладывать на тарелку пирожки, подливать чай...

– Ну что, сынок, куда поступать надумал, кем хочешь быть-то? – спросил отец.

– Поступать? – Юрик отложил пирожок и поднял на родителей глаза. Улыбнулся. – Поступать я буду в монастырь. Быть хочу монахом. И это не обсуждается, пап.

Отец Арсений Юрку узнал сразу, обрадовался.

– Георгий! Отслужил? Вернулся? Вот это ты молодчина, что зашел! Куда теперь думаешь?

– Теперь – к вам! – твердо сказал Юрка. – Возьмете?

Отец Арсений мягко улыбнулся.

– Возьмем. Ведь я тебя ждал, Георгий! Только вот с пещерами у нас проблематично...

Сначала трудник, а чуть позже послушник Георгий, жил в келье на шесть человек, учился молитве, смирению и послу-

шанию. Было тяжело, иной раз просто невыносимо. Утром и вечером в церковь, днем послушания, ночью молитвы...

Иногда чуть не до слез хотелось все бросить, уйти, сбежать куда подальше... Но Георгий держался. Он уже знал, что такое искушение и гордыня. Боролся, как умел... Ангел боролся вместе с ним. Когда становилось совсем тяжело, Георгий чувствовал на своих плечах дружеское и крепкое касание ангельских крыльев.

Изредка молодой послушник вспоминал ту, перевернувшую всю его жизнь страшную ночь, свои юношеские "подвиги" и грустно улыбался. И никто, никто не мог объяснить, как, какими извилистыми путями и тропками, пришел этот безалаберный, дурашливый паренек к Богу. Никто. Только Ангел да Сам Господь Бог...

На земле об этом знали тоже только двое – сам Георгий, и его духовный отец игумен Арсений.

К Пасхе игумен велел послушнику Георгию готовиться к постригу.

Опять было страшно и тяжело, но когда страшно и тяжело – тогда и Господь совсем рядом. Это Юрка еще в армии понял. Чтоб душу свою за друзей...

А святые нам ох, как нужны.

Творцы реальности

Юлька и ее прабабушка Надя жили в маленькой однокомнатной квартире. Родители Юлькины развелись, обзавелись новыми семьями и разъехались по разным концам страны. С дочерью иногда созванивались, но приглашений в гости ни от отца, ни от матери, никогда не поступало.

Бабушка Настя (дочка прабабушки) звала внучку к себе, она жила в деревне, в большом симпатичном доме, но становиться сельской жительницей Юлька не собиралась, поэтому приютилась у прабабки. Передвинула шкаф, отгородила себе уголок, да так и прижилась. Прабабка была рада. Юлька любила ее и называла бабуля...

Так уж сложилось, что все женщины в Юлькиной семье рано выходили замуж и рано рожали детей. Поэтому и бабуля у взрослой Юльки была почти что молодая, всего-то восемьдесят пять... Ум у нее был ясный и цепкий.

Характер у Юльки был легкий, веселый, ничто и никогда не огорчало ее надолго. По жизни она не шла – летела. Порхала.

После школы замахнулась аж на ВГИК. Когда-то удачно сыграв в одном из школьных спектаклей почти главную роль, твердо уверилась, что у нее есть талант и в актрисы ее возьмут сразу и с радостью.

Порывшись в интернете, нашла зубодробильную скорого-

ворку и с увлечением начала вырабатывать дикцию... Ходила, с утра до вечера бубнила, бубнила... Бабуля долго прислушивалась, наконец не выдержала:

– Юль, ты чего там бормочешь целый день?

Юлька сказала.

– Чего-чего?! – с изумлением, не веря своим ушам, переспросила бабуля.

Юлька еще раз, громко и четко продекламировала:

– В недрах тундры выдры в гетрах тырят в ведра ядра кедров!

– Ох, сколько же в тебе еще дури, Юлька! – махнула рукой бабуля, и, тихонько ворча, отправилась готовить ужин.

В общем, из ВГИКа Юлька была с позором изгнана с первого же тура. Огорчалась она недолго – немножко всплакнула, потом махнула рукой – ну и не надо!, – и устроилась продавщицей в большой супермаркет в отдел посуды. С удовольствием продавала гордые надутые чайники, расписные тарелки и веселые кружки.

По утрам, перед работой, она внимательно прочитывала все попавшиеся под руку гороскопы. Очень часто в разных гороскопах попадались совершенно противоположные предсказания, но Юльку это не смущало... Мало ли... Но бывало и так, что все везде совпадало. Ну почти... Если гороскоп предсказывал неприятности, Юлька мрачнела и весь день напряженно их (неприятности) ждала... И они, конечно, случались, ведь неприятности – дело житейское, с кем не бы-

вает... Но, предсказанные гороскопом, они приобретали какой-то зловещий смысл...

Случайно расколотая чашка (за которую даже начальница Юльку не ругала), становилась чуть не глобальной катастрофой, обещанием чего-то еще более ужасного... Подружка Таня над Юлькой смеялась, но Юлька продолжала свято верить в каждое напечатанное слово...

Довольно часто гороскопы обещали приятные и полезные встречи и внезапное финансовое благополучие, но этого-то, как раз, и не происходило. Но в таких случаях Юлька не расстраивалась.

Время у Юльки было расписано чуть не по минутам. Все ей было интересно, все хотелось попробовать. По субботам она (дав опрометчивое обещание бабуле хоть раз в неделю бывать в храме), ходила в церковь. Тихонько выстаивала вечернюю службу, рассматривая большую икону преподобного Серафима Саровского, возле которой раз и навсегда выбрала себе местечко. На исповедь никогда не ходила, что там говорят или поют – не слушала, да и вообще ничего не понимала.

Честно дождавшись конца службы, пряталась в уголочек, быстро сдергивала с себя платок и длинную юбку, под которой обнаруживались драные (очень модные) джинсы в обтяжку, и бежала к друзьям, в ночной клуб.

По понедельникам и средам, после работы, носилась по семинарам и курсам, училась развивать свою личность и

управлять реальностью... Увлекалась йогой...

В воскресенье они всей компанией (сложившейся еще в школе), выезжали в лес. В компании, кроме Юльки и Тани, были веселый толстяк Гоша, умный молчаливый Шурик и заводи́ла, выдумщик и красавчик Серега.

В Серегу Юлька была влюблена еще с седьмого класса, но никому об этом не говорила. Влюбленность была легкой, ненавязчивой, по ночам Юлька в подушку не плакала, глупых записок не писала, однако возможности побыть с ним рядом всегда радовалась. Серега этим с удовольствием пользовался...

Бабуля иногда сердилась на непоседу Юльку.

– Где тебя носит? – ворчала она, когда Юлька поздней ночью возвращалась из клуба домой и тихонько шебуршилась у себя за шкафом. Бабуле не спалось, она заглядывала за шкаф, и внимательно ее рассматривала. – Когда за ум возьмешься? Раздрызга ты, Юлька, раздрызга...

Юлька смеялась и целовала родную морщинистую щеку.

– Да ну тебя, – отмахивалась бабуля и уходила в свой уголок, где еще долго что-то бормотала и скрипела кроватью...

В ее уголке была полочка с иконами и всегда горела лампадка.

Сначала, когда только Юлька поселилась у бабули, та пыталась приобщить правнучку к церкви, учила молиться, но на все бабулины попытки Юлька весело махала руками и

смеялась:

– Ну бабуля, перестань! Какой Бог! В каком веке ты живешь?

– Бог – Он в любом веке Бог! – сердито говорила бабуля и шла к иконам, молиться за бестолковую правнучку.

В одно из воскресений никуда не поехали – с утра зарядил мелкий, нудный, на весь день, дождик.

Зато в следующий раз погода была отличная. Началось ласковое, теплое "бабье лето". С хохотом выскочив из электрички, бросились в лес, к давно облюбованной полянке. Шуршали под ногами листья, небо было высоким и пронзительно голубым. Девчонки сгребали желтые и красные листья в охапки и подбрасывали их вверх. Те кружились, с тихим шелестом падали им на головы, всем было весело и очень, очень хорошо.

До полянки добрались быстро, расселись на поваленные деревья и пни. Ребята достали из рюкзаков пиво, Юлька притащила пирожки, а Таня – картошку. Развели костер... Разобрали баночки с пивом и сидели, притихшие, наслаждаясь запахами, звуками и красками осеннего леса...

– Послушайте! – вдруг сказал Серега. – А ведь мы – язычники!

– Кто? – переспросила Таня.

– Чего-чего? – удивился Гоша.

– Зачем это? – резонно поинтересовался Шурик.

Только Юлька промолчала, она ждала продолжения...

– Ну вы подумайте сами! – возбужденно продолжал Серега. – Посмотрите! Вот этот лес, природа, дуб вот этот – это наше, родное все, здесь наши корни!

Ребята молчали. Юлька украдкой оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, где тут ее корни... Вон в том болотце? Или вот, рябинка рядом... Она честно не понимала и так же честно пыталась понять... Взглянула на высокий дуб, росший ровно посередине полянки... Дуб как дуб, хотя да, очень красивый, мощный такой...

– Дуб этот будет нашим покровителем! – решительно заявил Серега.

Все с интересом посмотрели сначала на дуб, потом на Серегу.

– Серый, ты обкурился, что ли? – как бы в шутку поинтересовался Гоша. – Какой еще покровитель? Ты еще Властелина колец вспомни...

– Какой я тебе Серый, – вдруг поморщился Серега. – Что это за имя такое вообще... Зовите меня Мирослав.

На полянке наступила полная тишина. Юлька тихо пискнула, зажимая рот кулаком, чтобы не расхохотаться в полный голос. Таня молча таращила на Серегу-Мирослава глаза. Гоша и Шурик переглянулись. «Спятил» – одновременно подумали они...

А Серега-Мирослав вдохновенно продолжал:

– Нам чужого не надо! У нас свое есть! Да, дуб будет по-

кровителем и повелителем! Природа – наша мать! Она дала нам все! Что скажете?

– В общем, резонно, – неожиданно заявил умный Шурик.
– Что-то в этом есть... Ну, кроме дуба, конечно...

Но дуб почему-то был очень важен для Мирослава.

Он чуть не с кулаками отстаивал права дерева на повелительство и покровительство. Шурик с ним спорил, причем очень серьезно. Гоша помалкивал, глядя то на одного, то на другого. Таня давно встала со своего пня и ушла в сторону болотца. Только Юлька, ровным счетом ничего не понимая, внимательно слушала спор.

Было очень похоже, что ни один из них вообще не понимал смысла такого явления, как "язычество". Шурик и Серега-Мирослав увлеченно придумывали (якобы вспоминали) какие-то законы, обычаи, приметы...

– Через костер прыгать не буду! – вдруг заявил молчавший до сих пор Гоша.

Это мигом разрядило обстановку, все расхохотались, глядя на толстого, неповоротливого Гошу. Юлька облегченно вздохнула: «Да это они просто игру какую-то выдумали» – подумала она. Где-то в глубине мозга мелькнула ядовитая мысль – какая игра, им же не двенадцать лет! Ох, Юлька, раздрызга ты, раздрызга, как ты была права! Игрой здесь и не пахло...

Мирослав велел всем одеваться "соответственно". Но от

сарафанов и лаптей девчонки отказались категорически, тем более в свете наступившей осени. Гоша и Шурик тоже остались каждый при своем. Пошли на единственную уступку новоявленному "язычнику" Мирославу – перетянули лбы цветными тесемками. Девчонкам тесемки были к лицу, а Шурик и Гоша чувствовали себя идиотами...

Поначалу почти ничего и не менялось, было даже весело – приходя на полянку, первым делом шли на "поклон" к дубу. Потом так же доставали пиво, разводили костер, пекли картошку...

Только вот Серега-Мирослав стал каким-то совсем другим. Бледным, возбужденным, его поведение менялось и становилось все более странным и пугающим... От заводилы Сереги почти ничего не осталось, а "язычник" Мирослав был страшным. Он часто подходил к дубу, что-то шептал, кивал головой, словно и правда с кем-то общался...

Однажды он подошел к ничего не подозревающим, весело болтающим друзьям, и заявил:

– Нужна жертва.

Таня закашлялась, Гоша выронил из рук горячую картофелину, Шурик едва не захлебнулся пивом. Юлька, открыв рот, смотрела на Серегу.

– Слышите меня? Жертва нужна! Иначе какой же повелитель без жертвы?

И стал приносить дубу жертвы. Начал с даров природы – привозил на полянку орехи, яблоки, собирал поздние вялые

грибы... С поклоном складывал все это к дубовым корням...

Компания в жертвоприношениях не участвовала. Смотрели со стороны.

Гоша и Шурик не без оснований заподозрили друга в употреблении наркотиков, но ни доказать, ни помочь ничем не могли... Серега-Мирослав с ними почти не общался, и в свою жизнь больше не допускал...

...Странная игра продолжалась полтора месяца. Закончилось все страшно. Было начало ноября, становилось все холоднее, вот-вот выпадет снег. Делать на полянке было больше нечего...

Решили съездить в последний раз, и до весны найти себе другое воскресное развлечение. Поехали. Помахали рукой дубу (Ну не получалось у них "правильно" поклоняться!). Разожгли костер. Ни пива, ни картошки, ни пирожков не было. Просто встали в кружок, протянув к огню руки... Постояли, думая каждый о своем... Почему-то было немного тревожно. Даже Юльке взгрустнулось...

Всем хотелось поскорее уйти, может быть, даже убежать, прочь с этой полянки, от этого дуба, из этого леса...

– Внимание! – подхватив рюкзак и отходя от костра, вдруг сказал Серега-Мирослав. – Прощальная жертва!

Все подошли к дубу, с интересом глядя на рюкзак. Серега медленно, растягивая удовольствие, потянул завязки... Медленно просунул внутрь руку... Медленно достал из рюкзака маленькую черную тряпочку... Торжественно, с поклоном,

положил тряпочку под дуб... Тряпочка оказалась мертвым пушистым котенком со свернутой набок головой.

Таня и Юлька дружно завизжали, Гоша резво откатился подальше, Шурик молча отвернулся и быстро зашагал прочь. Кошкодав громко хохотал...

За всеми этими событиями Юлька совсем упустила из виду нечто очень важное. Ее женское естество никак не проявляло себя уже месяца два... Спohватившись, Юлька помчалась в аптеку и купила тест на беременность. Ясно и недвусмысленно проявились две полоски...

Юлька записалась на прием в женскую консультацию и там ей подтвердили – да, тест не врет. Беременность двенадцать недель. Притихшая Юлька пришла домой и долго сидела на старом диванчике у себя за шкафом. За окном быстро темнело. Бабуля позвала ужинать...

– Я не хочу, – вяло отозвалась Юлька, но в кухню пришла и села за стол. Помолчала. Потом решилась:

– Ба... Я беременна.

Бабуля охнула и перекрестилась. Робко спросила, когда свадьба и кто отец.

– Никогда. Никто. – бесцветным голосом сказала Юлька и встала.

– Юлька! Юленька! – бабуля резво вскочила на ноги и схватила ее за руку. – Ты только без глупостей! Поняла меня? Слышишь? Сами вырастим, сами! Только грех на душу

не бери, не губи дитенка!

Ночью бабуля долго молилась, почти до утра. Юлька периодически просыпалась, слышала горячий бабушкин шепот и снова проваливалась в тяжелый, душный сон...

Утром Юлька позвонила Сереге. Сначала долго слушала длинные гудки, потом трубка сонно отозвалась: «Да... Але...»

– Сережа, это я. Сережа, у меня будет ребенок.

– Поздравляю.

– Твой ребенок, – уточнила Юлька.

– Ну уж нет, – гнусно усмехнулся Серега. – Это ты уж как-нибудь сама. Без меня. Поняла? И не звони больше.

Перезванивать и что-то доказывать Юлька не стала. Она была гордая.

После Нового Года к Юльке неожиданно пришел Гоша. Он как-то похудел, вытянулся, привычной беззаботной улыбки тоже не было. На Юлькин живот он старался не смотреть.

– Привет, – тихо сказала Юлька. – Проходи.

Гоша скинул кроссовки и прошел на кухню. От чая отказался. Долго молча сидел, потом с трудом проговорил:

– Серегу посадили. Обкурился и кого-то зарезал.

Юлька молча ждала продолжения.

– Он сатанистом был... И наркоманом. И нас хотел туда же...

– А дуб? – бестолково спросила Юлька, но Гоша понял.

– Какой там дуб! Так, завлекалочка для дураков... Хотел сначала нам головы задурить, а потом уже... И ведь задурил бы! – неожиданно громко и зло сказал Гоша. – Идиоты...

– Откуда ты все это знаешь?

Гоша молчал.

– Откуда ты знаешь? – настойчиво повторила Юлька.

– Он сам все рассказал.

Юлька недоверчиво, ничего не понимая, смотрела на него.

– На допрос меня вызывали, – наконец тяжело проговорил Гоша. – Свидетелем. Там и узнал.

– А Шурик? Он... тоже?

– Шурка? Нет, с Шуркой все в порядке. Учится, из учебников не вылезает.

Умный Шурик учился на физмате, Таня – в медицинском, только Юлька и Гоша "пролетели". Гоша ждал повестку в армию...

– Надолго посадили? – наконец спросила Юлька.

– Надолго. Хранение, распространение, убийство... Секта эта проклятая... Так что надолго.

– Ну и слава Богу, – неожиданно сказала Юлька.

Из тюрьмы Серега не вернулся.

Когда в животе зашевелился маленький комочек, Юлька порозовела, ожила, жизнь снова заиграла красками. Она

чувствовала твердые пяточки и кулачки, и с ужасом думала, что, если бы не бабуля, могла бы убить это чудо...

– Ничего, малыш, прорвемся! – часто говорила она и улыбалась.

О Сереге она больше не вспоминала. Никогда.

Теплой весенней ночью на свет Божий появился Василек. Крепкий, горластый, со смешной розовой попой.

Юлька влюбилась в сына с первого взгляда. "Губки бантиком, бровки домиком..." – напевала она полузабытую песенку, меняя сыну подгузники или одевая его на прогулку. По вечерам пела Васильку любимую с детства "Колыбельную Умки"... В общем, была счастлива – абсолютно.

У бабули открылось неизвестно какое по счету дыхание, она без усталости возилась с малышом. Ночью, давая правнучке отдохнуть, таскала его на руках или катала по коридору в коляске.

Потом начала неотвязно ходить за Юлькой и настойчиво требовать: «Василька надо окрестить! Покрести сына! Покрести!»

Юлька только рукой отмахивалась. Но бабуля была упорной и хитрой. От требований она перешла к жалобным просьбам:

– Юлечка, покрести Василька. Пожалуйста, Юлечка! Покрестишь, я и помру спокойно!

– Бабуля, с чего это ты помрешь? Живи! Если так уж хо-

чешь – покрестим.

В крестные Юлька выбрала Таню и Гошу. Те с радостью согласились.

В воскресенье собрались и торжественно поехали в большой собор в центре. Во время крещения Василек крутился, весело хлопал ладошками по воде и широко улыбался беззубым ртом. Он был крупный, упитанный, тяжеленький. Да еще и вертелся в руках батюшки, как юла. Хватал его за бороду, рыбкой выворачивался из рук.

Умученный, мокрый с головы до ног батюшка с трудом завершил Таинство и унес раба Божиего младенца Василия в алтарь.

Бабуля была счастлива, крестилась и без устали благодарила Бога и Пресвятую Богородицу. Гоша улыбался, а Юлька хохотала во все горло, вспоминая, как Василек пару раз шлепался на дно крестилки, и батюшка едва успевал его подхватить и вытащить. Таня лупила ее кулаком в спину, чтоб прекратила хохот, но тоже была в отличном настроении.

– Ну вот, – удовлетворенно говорила бабуля, – теперь у него Ангел есть, присмотрит, если что...

В Ангелов никто из ребят не верил, но на случай "если что" все были согласны – не помешает.

Дома Юлька сняла с Василька крестик.

– Ты чего это? – испугалась бабуля.

– Маленький еще, закрутится, задушится. Лучше пока

так.

– Раздрызга, – вздохнула бабуля, перекрестила обоих и больше ничего не сказала.

Осенью, завершив огородно-полевые работы, из деревни на помощь матери и внучке приехала бабушка Настя.

Ее разместили на Юлькином диванчике, а для Юльки впритык к кровати Василька поставили раскладушку. С двумя бабушками жизнь Юльки стала полегче, она снова вернулась на работу (с деньгами было ох, как туго), опять с увлечением занялась личностным ростом и йогой. Заинтересовалась фэн-шuem.

Однажды бабушки, выгуляв внука и вернувшись домой, застали пыхтящую Юльку за передвижением старинного тяжелого комода.

– Чего опять удумала, Юлька? Что ты творишь? – грозно спросила бабуля.

Бабушка Настя, не так хорошо знавшая внучку, молча наблюдала.

– У нас тут все неправильно! – отдуваясь, откидывая за спину длинные светлые волосы, ответила Юлька. – Не по фэн-шую. Буквально все!

– Какой еще шуй? – грозно спросила бабуля. – А ну, сейчас же оставь комод в покое! Я тебе устрою шуй! Не трогать ничего, шальная какая девчонка, Господи, помилуй!

Юлька устало присела на диванчик и сказала:

– Ничего вы не понимаете. Надо, чтобы космическая энергия правильно распределялась по жилищу. Тогда мы и жить станем хорошо.

– Ты что, плохо живешь? Крыша есть, голодная не ходишь, дите здоровенькое, ну и слава Богу за все! Ишь, энергии ей захотелось! Раздрызга!

– Да, – вздохнула Юлька. – Каши с вами не сварю.

Пошла в специализированный магазин, купила страшенькую жабу с монетками во рту, дракончика со стеклянным шариком в лапе и маленький фонтанчик. На этом немного успокоилась.

Фонтанчик бабуле понравился, а вот дракончика она велела немедленно вынести из дома и выбросить. И чтоб без разговоров!

За жабу с монетками Юлька боролась, как могла, и бабуля кое-как смирилась, уступая натиску внучки. Только попросила убрать "это идолище" подальше от ее уголка и Васькиной кровати.

Почти каждый вечер, после работы, Юлька ходила на семинар "Творец реальности". Она внимательно слушала холеного Антона – их учителя. Он расхаживал по классу (снимали в школе на вечернее время) и рассказывал необыкновенные вещи.

– Вы сами – творцы своей реальности, сами! Понимаете? Вы сами выбираете, как вам жить и что делать!

С этим Юлька не спорила, хотя была не совсем согласна с тем, что вот так прямо все-все-все зависит только от нее самой.

– Главное, научиться правильно мыслить! – продолжал Антон. – Понимаете? Правильно сформулированное желание – это все, что от вас требуется! Вы оформляете свою мысль и просите вселенную исполнить ваше желание. Просто просите, и все! Вселенная всегда отвечает, вам только надо научиться принимать, и тогда весь мир – ваш! Берите, что хотите! Вот Вы, Юлия, чего желаете? – неожиданно обратился он к Юльке.

– Я? – немножко смутилась Юлька. – Я хочу квартиру побольше и чтоб сын здоровенький был.

– Вот! – торжественно поднял палец Антон. – Вот одна из главнейших ошибок! Забудьте слово "был"! Просить надо утвердительно – у меня большая квартира, у меня здоровый сын, у меня много денег...

– А если это не так? – спросили с задней парты.

– Значит, неправильные формулировки или недостаточная мотивация!

...Уроки эти стоили дорого, после них болела голова, но Юлька упрямо продолжала учиться быть творцом...

Танька ругала ее за "выкинутые" деньги, а то, чему учил их Антон, вовсе называла "бредовым идиотизмом" и бесовщиной. Пыталась втолковать Юльке, что она не творец, а творение, а вселенная – просто ледяная пустота, газ и глыбы

мертвой материи. Юлька слушала, согласно кивала, но семинар не бросала... Все-таки это было интересно. А вдруг?...

Когда выпал первый снег, бабушка Настя засобиравалась домой, в деревню. «В деревянном доме надо жить, топить, иначе пропадет домишко» – объяснила она. Поцеловала маму, внучку, правнука, и уехала.

А бабуля вдруг расхворалась и скисла. Может быть, годы брали свое... Она жаловалась, что ноги совсем не ходят, часто просила накапать ей корвалол... Несколько раз вызывали скорую. Врач снимал кардиограмму, делал какие-то уколы и... уезжал. В больницу бабулю не забирали. С трудом, постукивая палочкой, передвигалась она по маленькой квартире. Часто сидела возле Васькиной кровати и смотрела на спящего праправнука...

– Пора уж, – вздыхала она. – Пожила свое... Господи, помилуй... Юль! Вот тут у меня телефон записан, стану помирать – позвони.

– Кто это? – хмуро спрашивала Юлька, беря в руки бумажку. На ней был старательно, крупными цифрами, записан номер телефона, а чуть ниже – короткая приписка – о. Андрей.

– Это батюшка наш, отец Андрей. Так ты сразу же и звони, если что. Поняла меня?

– Бабуль, да перестань ты. Ну ноги болят... Так ведь и лет тебе не двадцать уже. Капельки вот попьешь... Давай закан-

чивай! Тебе еще Ваську женить, – пыталась пошутить Юлька. Но бабуля не слушала.

– И отпеть, обязательно отпеть меня надо! Записочки подавай! И псалтирь за меня считаешь, найдешь там... – бабуля неопределенно махала рукой в сторону своего уголка, а Юлька отключалась...

Ну, позвонить батюшке – это еще понятно... А вот отпеть, псалтирь, записочки... Какие записочки, кому?...

Юлька уходила в кухню, заваривала себе любимый фруктовый чай и долго сидела одна...

– Зима, – сама себя успокаивала Юлька, – холодно, солнышка нет, вот и раскисла бабуля.

Было страшно.

«Ничего, пройдет» – с надеждой думала она и прислушивалась.

Из комнаты раздавалось сонное гуканье Василька и ласковый голос бабули. На душе у Юльки светлело, снова возвращалась уверенность – дотянуть до весны, до солнышка, а там снова все будет хорошо...

До весны бабуля не дотянула...

Выюжным февральским вечером снова вызвали скорую. Снова кардиограмма, укол... И – до свидания, девушка. Только на этот раз врач на секунду притормозил перед дверью, оглянулся на бледную Юльку и сказал: «Готовьтесь».

Юлька в ужасе отшатнулась и бросилась в комнату. Бабу-

ле после укола вроде полегчало, она смиренно лежала под одеялом, и внимательно смотрела на Юльку.

– Прости меня, Юленька. Васеньку береги. А теперь звони. – медленно, с трудом, проговорила она.

Юлька, тихонько поскуливая от страха, побежала в кухню, к холодильнику, где висела, прижатая магнитиком, бумажка с нужным телефоном. Не глядя на часы, быстро набрала номер.

– Слушаю, – отозвались почти сразу.

– Бабуля умирает, – всхлипнула Юлька. – Вы отец Андрей?

– Да, я. Какая бабуля? Как зовут? Адрес?

Юлька, плача, отвечала на вопросы.

– Да это же наша баба Надя, – быстро сообразил батюшка.
– Сейчас буду.

Василек спал, а Юльку из комнаты прогнали. Батюшка сидел на табуретке возле бабули, и, низко склонившись над ней, что-то долго внимательно слушал. Потом говорил сам.

Юлька, поджав под себя ноги, сидела на полу в кухне. Ее колотил озноб, но она не плакала. Молчала, широко открытыми глазами смотрела в темное окно. Наконец скрипнула дверь, отец Андрей вышел в прихожую и стал натягивать пальто.

– Не знаю, – тихо и неопределенно сказал он, хотя Юлька ничего и не спрашивала. – Молитесь... Может, и поживет

еще... Спаси, Господи, сохрани и помилуй рабу Твою Надежду...

Всю ночь просидела Юлька возле бабули... Тихонько посапывал Василек, тикали часы, за окном страшно выл ветер... А так было тихо, очень тихо. Вдруг бабуля слегка шевельнулась, повернула голову... Открыла глаза, посмотрела на Юльку... С трудом сделала короткий вдох... выдох... И больше уже не дышала.

Юлька молча встала, поправила под бабулиной головой подушку, аккуратно расправила одеяло... Посмотрела на полочку с иконами, на погасшую лампадку... Деловито, рассудительно взяла телефон и позвонила сначала бабушке Насте, потом Таньке. Коротко сказала несколько слов, бросила телефон в кресло... Очень тихо, чтоб не разбудить Василька, вышла из комнаты... Плотно закрыла дверь... И наконец завывала, зарыдала, забилась в истерике... Заливаясь слезами, бессвязно кричала и колотила кулаком в стену...

– Нет! Нет! Нет!... Бабулечка моя!... Вот тебе квартира!... Вот тебе реальность!... Бабуля, бабуленька, как же мы? ... Вот тебе творец!... Бабуля, родненькая!... Я не хотела такого!... Сыночек, как же мы теперь... Бабулечка!... Родненькая моя... Бабуля... Почему?... Почему-у...

Ни один человек не может долго биться в истерике и рыдать. Силы у Юльки закончились, она тихо сползла по стене и села на пол. Только слезы еще долго продолжали катиться

по щекам...

Таня прибежала через час. К обеду приехала заплаканная бабушка Настя. Они взяли на себя всю беготню и хлопоты... Занавесили все зеркала... Оформили необходимые документы, выбили место на кладбище...

Юлька, прижимая к себе Василька, все три дня тихонько просидела на бабулиной кровати. Изредка бессильно всхлипывала...

Приходила бабушка Настя, забирала у Юльки правнука, кормила его и укладывала спать... Но как только Василек просыпался, Юлька снова хватала его и старалась не выпустить из рук... Маленький Василек крутился у матери на коленях, ему было скучно, он пытался сползти на пол, дергал Юльку за длинные волосы и весело смеялся...

После похорон собрались на поминки. Бабушка Настя, Таня, Гоша, Шурик...

И вдруг Юльке стало плохо. Ведь она ничего не сказала старенькой бабе Даше, единственной еще живой бабулиной подруге.

Никому ничего не говоря, быстро накинула куртку, убежала из квартиры и бросилась в соседнюю пятиэтажку. Одним махом взлетела на третий этаж и прижала палец к кнопке звонка. Опустила руку, только когда услышала шаркающие шаги за дверью. Баба Даша, не спрашивая, открыла дверь. Юлька, боясь снова расплакаться, торопливо расска-

зала бабе Даше о смерти бабули и позвала на поминки.

Баба Даша охнула, схватилась за сердце, забормотала молитву... Потом, с помощью Юльки, натянула тяжелое старое пальто, и, опираясь на палочку с одной стороны и на Юлькину руку с другой, заковыляла через двор.

Поминки были "светскими". Водочка-селедочка, винегрет, блины... Для бабули на краешке стола поставили полную рюмку и накрыли ее кусочком черного хлеба. Баба Даша осторожно, стараясь не уронить, трясущейся рукой перенесла один блинок к себе на тарелку...

– Юля, вы бабушку отпели? – неожиданно спросила она, косясь на рюмку с кусочком хлеба и занавешенные зеркала...

Юлька охнула и прижала ко рту ладошку. Для нее это было настолько непонятно, незнакомо и ненужно, что она просто забыла...

– Ясно, – горько сказала баба Даша и поднялась. Со всеми вежливо попрощалась и ушла.

Выйдя на улицу, она немного подумала и тяжело заковыляла к церкви. Там она подала записочку за упокой души новопреставленной рабы Божией Надежды, заказала заочное отпевание и псалтирь на месяц. Больше денег ни на что не хватило. В кошельке сиротливо позвякивала какая-то мелочь. И до пенсии еще далеко...

– Ничего, – решила баба Даша. – Ничего, проживу.

Дома была целая пачка гречки, пакет макарон, пяток яиц

и хлеб. Вроде бы даже парочка банок кильки в томате где-то была. Еще был чай. Сахара, правда, оставалось на самом доньшке, но в холодильнике стояла литровая баночка прошлогоднего варенья...

– Проживу, – решительно повторила баба Даша, и поплелась домой.

Дома она с трудом стянула с себя пальто, прошла в "красный угол", затеплила лампадку и три свечи. Взяла в руки старенькую, зачитанную книгу с большими, полустертыми буквами на обложке – Псалтирь. И тихо, медленно, напрягая глаза и водя узловатыми пальцами по строчкам, начала читать...

С трудом привыкала Юлька к жизни в пустой квартире. Без бабули. Без Василька. Правнука, видя Юлькино состояние и понимая ее необходимость работать, бабушка Настя на какое-то время увезла к себе в деревню.

Юлька слонялась по пустой квартире, медленно, но верно, погружаясь в депрессию. Ничего не готовила, перекусывала чем попало – бутербродами, какими-то кексиками, пила чай...

Каждую неделю ездила на могилу к бабуле, долго с ней разговаривала, плакала. Устав от такой беспросветной, тоскливой жизни, решила сходить к какому-нибудь целителю или экстрасенсу. Порылась в интернете и нашла сразу "два в одном". Объявление гласило: «Потомственный экстра-

сенс-целитель поможет решить любые проблемы»... Ну или что-то в этом роде.

Юлька позвонила, ей назначили очередь – аж через неделю! Видимо, экстрасенс пользовался популярностью... Предупредили, что первая встреча – это только знакомство и консультация. Озвучили цену. От цены Юлька впала в шок, но, поразмыслив некоторое время, все-таки решила на чем-нибудь сэкономить и пойти.

Промучившись неделю, Юлька поехала на первую консультацию.

У целителя все было серьезно – приемная, секретарша с бейджиком "Мария", диванчики и пальмы.

– Здравствуйте, – приветливо обратилась к ней Мария, молодая, симпатичная, ярко покрашенная. – Как вас зовут? Вам назначено?

– Да, – смущенно пролепетала Юлька.

Мария сверилась с записями в компьютере, велела оплатить прием, даже квитанцию какую-то выписала. И ласково прощбетала:

– Проходите, Жан Эдуардович ждет.

Юлька несмело прошла в роскошный кабинет, выдержанный в вишневых тонах. Возле высокого, занавешенного тяжелыми портьерами окна, стоял сам Жан Эдуардович. Он приветливо шагнул к Юльке навстречу. Долго и внимательно ее рассматривал, потом поводил руками над Юлькиной головой и очень, очень тяжело вздохнул:

– Нда-а... У Вас, Юленька, не аура, а просто ужас какой-то! Исковерканная, изодранная, вся в дырах... Да и цвет нехороший... Нужна серьезная корректировка. Долгое лечение. Как минимум, сеансов десять, не меньше.

Юлька стояла, как побитая собака. Переминалась с ноги на ногу. Изодранная аура ее напугала, но еще больше напугало количество сеансов лечения, и примерно прикинутая ею цена. Такие деньги ей полжизни копить надо!

Она постояла еще немного, но Жан Эдуардович больше ничего не говорил. Так они молчали, глядя друг на друга, потом Жан решительно попрощался и сказал, что все остальное ей объяснит Мария. А он, Жан Эдуардович, будет ее ждать.

– Обязательно приходите, Юлия, слышите! Обязательно!

Юлька вышла из вишневого кабинета и немного пришла в себя. Гордо подняв голову, прошла мимо заулыбавшейся было Марии...

Ничего не спросив и не попрощавшись, прошла в прихожую и открыла тяжелую дверь. «Пусть сами себе ауры корректируют, за такие-то деньги» – подумала она. Хотя, если бы не страшная сумма, она, пожалуй, решилась бы попробовать...

Депрессия цвела пышным цветом, по утрам Юлька с большим трудом заставляла себя встать и пойти на работу. На работе, среди людей, шума и толкотни, становилось немножко полегче...

Часто приходила Танька, тормошила и дергала ее, заставляла куда-то ходить, что-то делать...

Забегал Шурик, звонил Гоша...

Несколько раз в день Юлька набирала номер бабушки Нasti и слушала лепетание Василька...

И постепенно снова становилась самой собой. Веселой, легкой, шепутной... Вот только в глазах ее надолго поселилась почти незаметная для окружающих тоска...

Васильку исполнилось три года.

Он рос здоровым, крепким, задиристым и шустрым мальчишкой. Щечки румяные, глазенки огромные, хитрющие, сияющие. Почти никогда не болел. Чудо, а не ребенок. Юлька души в нем не чаяла. Но у жизни свои правила, надо работать, обеспечивать себя и сына...

И матери-одиночке Юльке пришлось отдавать Василька в сад. Как ни странно, он довольно быстро там освоился, иногда даже домой уходить не хотел.

А летом Юлька вышла замуж. За высокого, молчаливого, довольно симпатичного доктора из районной поликлиники.

Случилось это неожиданно и быстро.

Сначала Роман купил у нее чайник. Через пару дней набор тарелок. Затем пару кружек. А потом пришел с огромным букетом цветов и прямо в магазине, при всех, сделал Юльке предложение.

Юлька подумала-подумала, да и согласилась.

Свадьбу сыграли скромную, только для своих.

Сразу после свадьбы Роман усыновил Василька. Они обменяли две свои однушки на хорошую двухкомнатную квартиру. В одной комнате поселились сами, в другой Роман устроил детскую. Яркую, веселую, с кроваткой в виде большой машины. Даже спортивный уголок соорудил – со шведской стенкой, канатом, кольцами...

Василек к Роману быстро привык, тем более что Роман уделял ему очень много внимания, собирал с ним конструктор, читал книжки, рисовал. В общем, делал все то, на что у Юльки не оставалось ни сил, ни времени.

Вскоре Василек стал называть Романа "папа", и Юлька с удивлением наблюдала, как муж тает и плавится от удовольствия.

В их комнате, в уголке, Роман прибил старенькую бабулину полочку, любовно и бережно расставил на ней иконы...

Юлька смотрела на мужа и не уставала удивляться – за что ей такое счастье? Однажды в субботу, после семейного похода в зоопарк, Роман с Васильком затеяли возню, играя в медведей и тигров. Василек лазил по Роману, как обезьяна, грозно рычал, и вроде как кусался. Роман крутил его, как пушинку, подкидывал вверх и тоже рычал. Им было весело и интересно друг с другом. Юлька, приготовив обед, стояла на пороге комнаты и наблюдала за своими "мужиками". Те, наконец, утомились и, увидев маму, дружно потребовали еды.

После обеда сонный Василек был уложен в кровать, а

Юлька и Роман присели на диван.

– Скажи, откуда ты такой взялся? – вдруг прошептала Юлька. Роман тихонько рассмеялся.

– Какой – такой? – обнимая ее за плечи и зарываясь лицом в волосы, тихо спросил он.

– Хороший, необыкновенный, – серьезно ответила Юлька, – Таких просто не бывает... Почему ты выбрал меня?

– Почему? – Роман слегка отодвинулся, и стал вдруг очень серьезным. – Я просил, чтоб найти себе самую лучшую на свете жену...

– Просил? – вздрогнула Юлька и даже отшатнулась от мужа. Она вдруг вспомнила семинары, вселенную, творцов реальности...

– Как просил? Кого? – в панике вскрикнула она.

– Юль, что с тобой? Что значит – кого? Конечно, Бога! Я молился, Юль, понимаешь? Молился и просил у Бога и Пресвятой Богородицы лучшую в мире жену. Пришел вот за чайником и сразу понял – Господь меня услышал, и ты – это она! – немножко сбивчиво закончил Роман. Но Юлька его поняла.

"Раздрызга ты, раздрызга" – прозвучал в голове ласковый голос бабули.

Юлька подняла глаза и взглянула на полочку с иконами.

Увидела любящий, зовущий взгляд Спасителя, ласковые и немного печальные глаза Божией Матери...

Встала, пошарила в ящике комода, и достала старенькую,

оставшуюся от бабули, красную стеклянную лампадку. Из нее до сих пор торчал пересохший фитилек.

Юлька сходила в кухню, принесла оливковое масло. Наполнила лампадку и долго ждала, пока сухой фитилек им пропитается. Наконец осторожно поднесла спичку... Огонек был сначала маленький и какой-то нерешительный. Потом весело разгорелся. Юлька ласково обняла лампадку ладонями и поставила ее на полочку... Бабуля улыбалась...

В воскресенье все вместе пошли в церковь. Василек крепко держался за папину руку и с восторгом оглядывался вокруг. Еще никогда, никогда не был он в таком красивом месте!

А к Юльке вдруг подошел старенький священник.

– Ну, здравствуй! – радостно сказал он. – Наконец-то пришла!

– Вы, батюшка, меня с кем-то путаете, наверное, – смутилась Юлька и даже покраснела. Роман смотрел с удивлением.

– Ну как же путаю! – все так же радостно продолжал батюшка. – Ты всегда приходила на всенощную и стояла вон там, возле батюшки Серафима! А потом надолго пропала... Ну да ладно, кто старое помянет... Вернулась, и слава Богу! Теперь уж не пропадай!

– Не пропаду, – тихо пообещала Юлька. – Мы все вместе теперь не пропадем, – имея в виду Романа и Василька, добавила она.

Но смысл фразы получился совсем, совсем другим...

...А красавец дуб на заветной полянке давным-давно сожгла молния.

Хотя Юльке об этом знать было совсем необязательно...

Благие намерения

Максим сломал руку. Случилось это до обидного просто. Вечером, после работы, он припарковался возле дома и, выходя из своей новенькой дорогушей иномарки, поскользнулся. Схватился было рукой за дверцу, но ноги, в не по сезону легких модных туфлях, неудержимо поехали куда-то под машину. Максим упал, крепко приложившись головой о ледяное крошево на асфальте и неловко подвернув под себя правую руку.

Перелом оказался сложным, так что сидеть дома теперь предстояло долго. Максиму принадлежал один из престижных салонов по продаже дорогих автомобилей, менеджеры и заместители были своими, проверенными людьми, и неожиданному отпуску он даже обрадовался. Руководить можно и по телефону. Максим всегда одевался "с иголочки", поэтому показаться в салоне в футболке и гипсе казалось ему чем-то диким и даже неприличным.

Первые несколько дней Макс блаженно отсыпался, валялся на диване в гостиной, щелкая пультом от телевизора, иногда лениво что-нибудь почитывал. Он любил фантастику.

Но оказалось, что жить с одной рукой – очень некомфортно. Даже одеваться поначалу самостоятельно не получалось. Жена, Маринка, со смехом натягивала на него носки, затем

спортивные штаны и рубашку. Здоровую руку просовывала в рукав рубашки, а сломанную, вместе с гипсом, просто накрывала вторым рукавом. Спать тоже было неудобно. И на компьютере не поработаешь... В общем, через несколько дней трудолюбивый и активный Макс серьезно заскучал.

Маринка перемыла после завтрака посуду, чмокнула мужа в колючую, небритую щеку, и куда-то умчалась. Она не работала, но дел у нее было множество – тренажеры, салоны красоты, магазины, посиделки с подружками в кафе и ресторанах... Она Максима любила, никогда ему не изменяла, он это знал, и такую вольную ее жизнь воспринимал абсолютно спокойно. Тем более, что, как мама и хозяйка, Маринка была идеальна. Даже домработницы и няни у них никогда не было... И как все успевала, непонятно.

Двенадцатилетний Кирилл громко крикнул: "Пап, я ушел!", и в доме наступила тишина. Кирилл учился в элитном лицее, был абсолютно неизбалованным, вполне самостоятельным и рассудительным пареньком.

Послonyaвшись немного по квартире, изнемогая от скуки и ноющей боли в руке, Макс поплотнее запахнул рубашку и вышел на балкон. Прижался лбом к застекленной раме и стал смотреть вниз.

Комплекс многоэтажек, где они жили, был новый, дома выстроены кругом, а внутри этого круга каким-то чудом оказалась крохотная церковь. С двенадцатого этажа она каза-

лась красивой игрушкой. Максим давно привык и к церквушке, и к колокольному звону, и уже не обращал на них внимания. Он был нецерковный, неверующий, и даже не думающий на эти темы человек. Но сегодня почему-то смотрел и смотрел... Смотрел на церковь, на купольный крест, на заваленный сугробами церковный двор с одной расчищенной дорожкой, и глаз было не отвести.

«Красиво» – подумал Максим. Что-то в этом было такое... Свое, родное, хоть и незнакомое.

«Схожу!» – неожиданно для себя, решил Макс. И тут же криво усмехнулся – в чем схожу? Вот в этих штанах и с голой грудью? Но желание побывать в церкви становилось прямо-таки навязчивым. Он заметался по квартире, потом вылетел в прихожую и распахнул шкаф. Так. Вот этим шарфом он замотается по возможности плотно, а вот эту куртку просто накинёт сверху... На штаны никто не смотрит, да и выглядят они вполне прилично. (Вообще-то, ничего "неприличного" в их гардеробе сроду не водилось). Оставалось решить проблему с обувью. Завязать шнурки кроссовок одной рукой у него не получится. Кожаные туфли без шнуровки он надеть, конечно, сможет... Но вот как это будет смотреться со спортивными штанами... Максим даже зубами скрипнул. Ничего не важно! Пусть будут туфли...

С трудом открыв тяжелую дверь, Макс осторожно вошел в полутемную церковь и осмотрелся. Справа был прилавок

с книжками, иконами, свечами... Впереди что-то тускло поблескивало, но видно было совсем плохо. Свет горел только над прилавком, да еще смутно просачивался через узкие окна, затянутые ледяными узорами... За прилавком стояла женщина – маленькая, худенькая, совсем незаметная... Только белый платочек и видно... "Платочек" этот, наметанным глазом окинув дорого, но нелепо и пестро одетую фигуру с загипсованной рукой, сразу определила – совсем «зеленый», первый раз в храме.

...И, конечно, никто не видел, как чуть позади Максима, справа, сиял и ликующе улыбался его Ангел... Все-таки пришли!

Макс неопределенно стоял возле двери, не зная, куда двинуться – вперед или направо? "Платочек", видя его нерешительность, взяла инициативу в свои цепкие маленькие ручки.

– Здравствуйте! Меня зовут Наталья. А служба давно закончилась и батюшки сейчас нет... Вы что-то хотели?

Максим от неожиданности чуть вздрогнул. Громкий голос вывел его из задумчивости. Служба закончилась... Какая служба? Ах, да, в церкви служат... А батюшки сейчас нет... А зачем ему батюшка? Что он, Макс, вообще здесь делает? Он шагнул к прилавку и стал смотреть на иконы. Наталья терпеливо ждала.

– Может, Вы хотите свечи поставить?

Максим резко дернул головой – нет! Свечи почему-то ассоциировались у него с покойниками... Не надо свечи. А что

надо? В голову вдруг пришла неожиданная, но весьма интересная мысль.

– У вас есть библия? – спросил Максим.

– Конечно! – заулыбалась Наталья и выложила на прилавок толстый темно-зеленый томик с золотым тиснением. – Вот. Хорошее издание, крепкий переплет, берите!

Берите... Максим сообразил, что ни карточки, ни денег у него с собой нет...

– Простите, – сказал он. – У меня денег с собой нет.

От смущения у него даже уши покраснели. Наталья сильно удивилась... Странный какой-то тип, все-таки...

– Я... Я завтра приду, – сказал Максим, внутренне подвывая от нелепости ситуации. Вот лопух!

– Хорошо, – легко согласилась Наталья. – Служба начинается в восемь. Приходите!

Вечером, когда вся семья была в сборе, Максим неожиданно заинтересовался у жены:

– Мариша, а ты крещеная?

Марина отставила утюг, которым гладила рубашки Кириюши, и уставилась на мужа. Кирилл с интересом взглянул на родителей и даже отложил в сторону планшет. О своем утреннем походе в церковь Максим ничего не рассказал, и для родных вопрос был неожиданным.

– Да, мы с Машкой и Ларисой еще в школе покрестились, – ответила Марина.

– И я крещеный, – задумчиво сказал Максим. – В детстве бабушка меня в церковь носила.

Некоторое время стояла тишина, потом в разговор вступил Кирюша. Вообще-то, в вопросах религии он был самым подкованным в семье – у них в лицее был такой урок – Закон Божий. Приходил батюшка, рассказывал много интересного и необычного.

– Мам, а ведь я тоже крещеный! А почему мы не носим крестики? А зачем вы меня pokrестили?

Марина задумалась...

– Ну, – говорит, – Ты родился очень маленький и много болел, вот и pokrестили.

– Помогло? – заинтересовался Кирюша.

Марина внимательно посмотрела на сына – крепенький, ладный, с ясными глазами.

– Вроде бы да... Ну конечно, помогло! Вон ты какой у нас вырос!

Для Марины крещение было чем-то вроде оберега, красной ниточки на запястье.

...Три Ангела, внимательно слушавшие разговор, дружно вздохнули и опустили грустные лики...

А Максим вспомнил, как крестили крохотного, болезненного мальчонку. Батюшка окунал его в купель, а тот только кряхтел и морщился...

Ангел, охранявший раба Божиего младенца Кирилла, осматривал толпу родственников, и видел что-то такое, от

чего вздыхал так, что огоньки свечей, прилепленных на купели, колыхались и трепетали... Максим из происходившего вокруг ничего не понимал. Только разобрал слова священника: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»...

Почему-то подумал, что отец и сын – это он и Кирюша... Ну а Дух... Непонятно. Может, Ангел-Хранитель? Вроде есть такие.

– Марин... А давай повенчаемся? – вдруг смущенно проговорил он.

– Обалдел? – Марина от изумления забыла, что такие слова в их семье не в ходу. – Зачем?!

– Не знаю, – честно ответил Макс. – Просто...

– Да ну тебя... Что на тебя нашло? – Марина снова взяла утюг и разговор затих как-то сам собой.

Ангелы стояли несчастные и поникшие, хотя свет в их глазах обещал, что все еще может быть хорошо.

На следующие утро Макс попросил жену одеть его попрличнее и, дождавшись, пока все уйдут, снова направился в церковь.

Наталья ему обрадовалась, как родному. Но он снова опоздал – и служба закончилась, и батюшки уже не было... Но зато сегодня Макс не забыл взять с собой деньги и купил Библию. А заодно икону. Как сказала Наталья – Владимирская икона Пресвятой Богородицы.

– А Вы все-таки приходите на службу! Поговорите с ба-

тюшкой, исповедуетесь.

– Исповедуюсь? Это в смысле о грехах рассказывать? У меня нет грехов, я нормальный человек.

Наталья вздохнула и больше ничего говорить не стала.

Несколько дней Макс читал Библию. Сначала было интересно. Оказывается, и про сотворение Земли, и про Адама и Еву, и про змея – не просто человеческие рассказы, а вот – написано! Но потом становилось все скучнее и скучнее... Какие-то допотопные цари, пастухи, и имена, имена... Скучно.

Ангел стоял за плечом и вздыхал. Душа у Максима была доброй, отзывчивой, щедрой, но этого было мало! Мало! И крестик он не носит...

А потом заболел Кирюша. Проснулся утром, лающий надрывный кашель, температура сорок, дышит с трудом... Ангел стоит над ним, молится, крылом обмахивает....

Маринка испугалась, забегала, заклохоталась... Вызвали врача – двустороннее воспаление легких.

Купили лекарства, начали лечить... Лекарства не помогают, предлагают стационар. Маринка в панике, Макс, в общем, тоже... Подошел к иконе Пресвятой Богородицы, которую поставил на книжную полку в гостиной. Постоял, посмотрел... Молча отошел. Вернулся... и тихонько сказал:

– Дева Мария, помоги. Кирюшка заболел... Помоги...

Болезнь Кирилл долго и тяжело. Марина осунулась, побледнела, под глазами появились черные круги. Выходила на балкон, курила и плакала. Макс тихонько обнимал сзади за плечи и молчал...

— Пойдем в церковь, — как-то предложил он жене. — Там есть такая... в платочке... она все знает...

— Пойдем, — равнодушно и безнадежно ответила Марина. Кирюшка лежал в больнице под капельницами и лучше ему не становилось.

Пришли к восьми, к началу службы. Что происходит — непонятно... Батюшка что-то говорит, читает, хор что-то поет... Народ крестится, кланяется, а Марина и Максим в сторонке, за колонной...

— Только свечи не ставь! — вдруг пугается Максим, и Марина равнодушно пожимает плечами — как скажешь... Хотя свечей вокруг множество, сияют и переливаются на каждом подсвечнике.

Конец службы не дождалась, вышли на улицу, два Ангела с бессильно опущенными крыльями вышли следом... Воздух морозный и свежий... На лыжах бы сейчас, с Кирюшей. В лес...

Ночью Марине не спалось. Врачи сказали, что Кирюша идет на поправку, переживать больше не о чем. Но как не переживать? И Марина решила подстраховаться. Утром молча

собралась, Максусу ничего не сказала. И пошла в церковь. Ангел брел следом...

В церкви Марина подошла к Наталье. Заплакала:

– У меня сын болеет, что мне делать?

Наталья молча выложила на прилавок несколько свечей и сказала – иди, помолись. Марина осталась стоять на месте. Она не умела молиться, и что делать со свечами – тоже не знала. Наталья сжалилась. Вышла из-за прилавка, взяла Марину за руку и повела вглубь храма. Подвела к какой-то иконе и сказала: «зажигай свечу, ставь, и молись».

– Кто это? – спросила Марина, глядя на изображенного на иконе красивого юношу с коробочкой и ложечкой.

– Это святой великомученик целитель Пантелеймон, – объяснила Наталья.

– Не Бог? – уточнила Марина. Великомученика ей было мало, надо было сразу Туда, выше!

– Нет, не Бог. Но он врач, он поможет. Сейчас я принесу тебе молитву этому святому, стой здесь и читай.

Марина послушно затеплила свечку и стала читать непонятные слова. Ангел стоял рядом и тоже молился...

Марине от непонятности слов почему-то становилось спокойнее. Наверное, там, наверху, эти слова понятны, и Кириусе помогут. Хотя надо бы и Богу помолиться.

Вечером она долго рылась по шкатулкам и ящичкам.

– Что ты ищешь? – поинтересовался Максим.

– Крестик, – коротко ответила Марина и больше не сказала за весь вечер ни слова.

Теперь они ходили в церковь вместе, свечей Максим больше не боялся. Зима потихоньку умирала, воздух пах весной...

Кирюшка почти поправился и ему разрешили выходить погреться на солнышке. Ангел не отходил от него ни на шаг и непрестанно молился.

Рука у Максима зажила, и он вернулся на работу. Кирюшу выписали. Все снова стало хорошо.

– Максим, – однажды вечером сказала Марина, – давай повенчаемся. И крестик Кирюше надо купить.

– Конечно, – ответил Макс, сладко потягиваясь. – Это, наверное, красиво... И крестик тоже.

Зазвонил телефон – ждали новую партию автомобилей, завтра надо пораньше поехать в салон... Далеко внизу зала-яла собака... Из комнаты Кирилла слышалась музыка... Жизнь входила в свое обычное русло. Спокойное, размеренное и обеспеченное... С некоторым смущением вспоминал Максим свой зимний порыв, походы в церковь, неумелые молитвы... Зачем все это надо? Ведь и так все хорошо.

В уголке тихо стояли и молились три Ангела. Они плакали, но этого никто не видел. За окном цвела весна, жизнь была прекрасна и удивительна...

Вот только Ангелов жалко.

Верую

... "Как мне все надоело" – яркими малиновыми буквами нарисовалось в голове...

Дина встряхнулась, открыла глаза и посмотрела на монитор компьютера. Компьютер тихо гудел, на экране прыгали, расплзались, кривлялись мелкие черные букашки букв.

– Как! Мне! Все! Надоело! – уже вслух, громко, с нажимом озвучила она.

Редактировать водянистый, кое-как состряпанный, откровенно безграмотный любовный роман надоело до чертиков. Хотя осталось – то пара-тройка глав. Но – не сейчас! Точно не сейчас.

Дина окинула взглядом свой рабочий стол – бардак полнейший! Справочники, словари, энциклопедии, кипы бумаг – нужных и на выброс.

«Пора прибирать» – вяло констатировала она. Но как-нибудь потом... Завтра, может быть... Сегодня настроение было абсолютно нерабочим...

Разве что Федота запустить...

Федот – это маленький круглый робот-пылесос.

Вообще-то, давать имена неодушевленным предметам – полнейшая глупость – так думала Дина. Но этого робота все-таки назвала именем собственным. По принципу – "работа-работа, перейди на Федота"...

Выудила из-под кипы бумаг на столе маленький пульт, нажала на кнопочку. Федот с тихим гудением выполз из угла и поехал по комнате, щеточками подгребая под себя мелкий мусор и испуганно отскакивая, натываясь на мебель или стену.

А еще Дина иногда разговаривала с компьютером, ругала его, если тот зависал. Могла наговорить много неласковых слов долго закипающему чайнику или упавшей под стол ложечке. Особенно, если, доставая эту ложечку, больно прикладывалась головой о стол... Никакой живности в доме не было – на шерсть у нее аллергия. А жаль. Так хочется котенка...

Дина подошла к окну – на улице медленно, словно нехотя, падали густые хлопья снега...

– Сегодня же Рождество, – вспомнила вдруг Дина. – С днем рождения, Господи! – сказала она, глядя на быстро темнеющее небо.

В Бога Дина не то, чтобы не верила, но... Новый Завет знала почти наизусть (опять же – для работы надо), но читала его как книгу исключительно биографическую, историческую, а не как Священное Писание.

Никаких струнок в душе эта книга не задевала, сердце молчало. Хотя в том, что все, написанное в книге – правда, Дина несколько не сомневалась.

Однако поверить в то, что вот прямо сейчас, спустя две

тысячи лет, Сын Божий все так же пребывает на Небесах и продолжает управлять жизнью каждого человека, каждого любит и заботится – в это Дине верилось с трудом. Честно – вообще не верилось. Да не особенно часто она и думала на эту тему...

Хотя, после окончания школы, исходя из какого-то непонятного душевного порыва, Дина покрестилась...

Батюшка нарек ее Анной. Но с тех пор она в церковь не ходила, да и крестик сняла практически сразу же, положила в шкатулку и забыла.

Полное имя Дины было красивым, но больно уж длинным. Она всегда мучилась, если приходилось заполнять какие-нибудь бумажные анкеты – ни в одну нормальную строчку это имя не влезало... Диана Станиславовна Белгородская.

Литературный редактор двадцати восьми лет, не замужем, детей нет. Живет за городом на даче. Ну, дача-не дача...

Приличный такой домик. Кирпичный, с застекленной террасой и маленьким балкончиком в спальне на втором этаже. Дина этот домик очень любила и возвращаться в город отказывалась категорически. Увлеченно, со знанием дела, ухаживала за маленьким садиком. В силу своей профессии была очень начитана и имела познания во многих сферах жизни. Весь дом сверху донизу был заставлен полками с тесно прижатыми друг к другу книгами.

Разговор Дина могла поддержать практически на любую тему, – с цитатами, ссылками, датами, именами... И, что ценно, – без занудства и поучений... В общем, разговаривать с ней было интересно.

Из всей семьи у нее остался только папа. Мама давно умерла, брат Денис жил далеко – в Канаде. Играл на скрипке в каком-то известном оркестре и с родными практически не общался.

Папа, Станислав Денисович Белогородский, был одним из ведущих нейрохирургов города.

На прием или операцию к нему попасть было крайне сложно. Не потому, что дорого, а просто работал он много, сутками не вылезал из клиники, времени катастрофически не хватало... Ни на личную жизнь, ни даже на любимую дочку. Но сегодня он обещал приехать.

Дина загнала Федота в угол, и пошла в спальню – переодеваться. Встречать отца в пижаме было неудобно. Надела джинсы, футболку, внимательно оглядела себя в зеркале.

Невысокая смуглая брюнетка, с короткой стрижкой и большими зелеными глазами. "Да вроде бы ничего так" – привычно, без всякой гордости и кокетства, подумала она.

Спустилась вниз, в кухню, и принялась готовить ужин. Для себя стряпала редко, питалась чем попало, но к приезду папы следовало подготовиться. Настрогала салаты, разложила колбасную и сырную нарезки, запихнула в духовку кури-

цу... Достала из буфета бутылочку коньяка... Застелила стол свежей скатертью, на серединку поставила вазочку с розой. Нормально.

Прошла в гостиную, включила телевизор – пусть бормочет, и уселась в кресло – ждать.

Кукушка из кухни хрипло проорала восемь раз, на улице непроглядная темень и снегопад... Где же он?

Дина начала волноваться, даже взяла телефон и собралась звонить, но в это время по окнам полоснул свет фар, к дому подъехала машина, фыркнула и заглохла. В дверь позвонили. Ну наконец-то!

Дина соскочила с кресла и помчалась в прихожую. Распахнула дверь и повисла у отца на шее – почти три недели не виделись! Даже на Новый Год он не смог выбраться – проводил сложнейшую операцию.

– Ну-ну, Динка, большая уже, шею мне свернешь, – подхватывая дочь, сказал отец. Он тоже очень соскучился.

– С праздником, Диночка!

Дина сначала удивилась, потом вспомнила – ах, да... С Новым Годом, с новым счастьем... Вряд ли папа имел в виду праздник Рождества Христова...

– И тебя, папуля!

Отец скинул с себя куртку, переобулся в тапочки и прошёл в комнату.

– Так... А елка где? – оглядываясь, спросил он. Заметил в

углу небольшую елочку, подошел, включил гирлянду. – Так лучше, правда? – проговорил чуть смущенно.

Потом стал перетаскивать из прихожей в комнату многочисленные пакеты.

– Вот, это тащи в кухню, там продукты...

– Па-ап!!! Ну зачем? Что я, сама себе не куплю, что ли?

– Знаю я, как ты покупаешь. Бутербродами питаешься... Давай, разгружай!

Дина понимала, что спорить бесполезно, да и в самом деле – не отказываться же. Отец старался, покупал, не тащить же все обратно...

Но продуктами дело не ограничилось. Пришлось принимать еще и новогодние, теперь уже рождественские, подарки. Отец накупил много всякой всячины, но главное – Дина получила в подарок новехонький ноутбук, о котором давно мечтала.

Расцеловала отца, радуясь, словно ребенок.

В свою очередь подарила папе стильный кожаный портфель, а то такой известный в городе человек, а ходит с каким-то допотопным "чемоданом"... Отец тоже обрадовался, ему было некогда, да и неохота, покупать что-то для себя...

Когда обмен подарками закончился, сели ужинать. Как раз и курочка "подоспела". Отец откупорил коньяк, разлил по пузатым бокалам... Дина нарезала лимон, посыпала его смесью сахара и молотого кофе... Ели, пили, обменивались новостями, смеялись...

Но Дина, очень хорошо знавшая отца, видела, что шутит он только для нее, да и смеется тоже как-то с натяжкой. В общем, судя по всему, — думала Дина, — впереди ее ждал какой-то серьезный разговор...

...И она не ошиблась. К концу ужина отец притих, задумался...

И сказал, робея и смущаясь:

— Диночка... Я вчера покрестился. Теперь я раб Божий Сергей...

— Поздравляю, — удивилась Дина. — А зачем, пап?

— Да ты понимаешь, тут такая история произошла... Чудо — не чудо... Да нет, конечно же чудо, самое настоящее!

И замолчал, словно не зная, с чего начать, и стоит ли вообще рассказывать. Не потому, что боялся насмешек или непонимания — ну уж нет! Динка всегда его поймет! Просто... Может, не место тут? Недоеденная курица, остатки салатов, коньяк...

— Пойдем в комнату, там расскажу все, — решил Станислав Денисович. — Да оставь ты это, потом вместе уберем! Идем!

Дина послушно поставила обратно на стол грязные тарелки и пошла за отцом. Села в уголке дивана, обняла подушку, поджала под себя босые ноги и приготовилась слушать. В углу весело переливались и перемигивались елочные огоньки...

Станислав Денисович сел напротив дочери, долго молчал, потом тихо заговорил:

– В общем, дело такое... Оперировал я молодую девочку... Ну, как девочку... Двадцать четыре года, муж, двое маленьких детишек...

А у нее – доброкачественная аденома. Страшные головные боли, стремительное ухудшение зрения... Решили удалять. Сердце молодое, здоровое, ничего не предвещало...

Сама операция прошла успешно. Все убрали, почистили, собирались уже перевозить в реанимацию... А она умерла.

– Как – умерла? – от неожиданности подскочила Дина. – Ты же только что сказал, что сердце здоровое, все прошло хорошо...

– Так. Умерла. Сердце здоровое, а вот раз – и остановилось.

Реаниматологи суетились, бегали, а потом только руками развели – все. Что могли – сделали. Все.

Накрыли ее простынкой, позвонили в морг. Бригада ушла на отдых, а я подошел к окну... А там...

Муж ее бегают, как одержимый, кулаками по деревьям лупит. Даже мне, с третьего этажа, видно – руки у него уже в кровь разбиты. И так мне сделалось не по себе... Ты ведь понимаешь, Диночка, я тридцать лет оперирую, но вот накатило что-то такое... Необъяснимое.

Смотрю на этого обезумевшего мальчишку, сзади на столе тело его жены под простынкой, а он еще не знает... И я

сказал:

– Господи, если Ты есть, сделай что-нибудь! Не для меня, Господи, а вот для этого мальчика, ради их детишек, Господи!

Станислав Денисович замолчал. Молчала и Дина. Сердце тревожно колотилось – она понимала, что это вовсе не конец папиной истории.

Молчали долго. Отец задумчиво смотрел на свои руки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.